

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

ТАТЬЯНА МИНАСЯН

МИР БЕЗ ГРАНИЦ

Mystic & Fiction

Татяна Минасян

Мир без границ

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Минасян Т.

Мир без границ / Т. Минасян — ИД «Флюид ФриФлай»,
2020 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-39-5

Как мог бы измениться наш мир, если бы с человечеством произошли две фантастические вещи? Первая строго научно-фантастическая: люди научились путешествовать в прошлое. Вторая куда менее научная: они стали использовать это открытие для добрых дел, что почти невозможно. А вдруг? Вдруг случится чудо? Наверное, жить в таком мире было бы радостно и интересно. Хотя порой и непросто.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-906827-39-5

© Минасян Т., 2020
© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

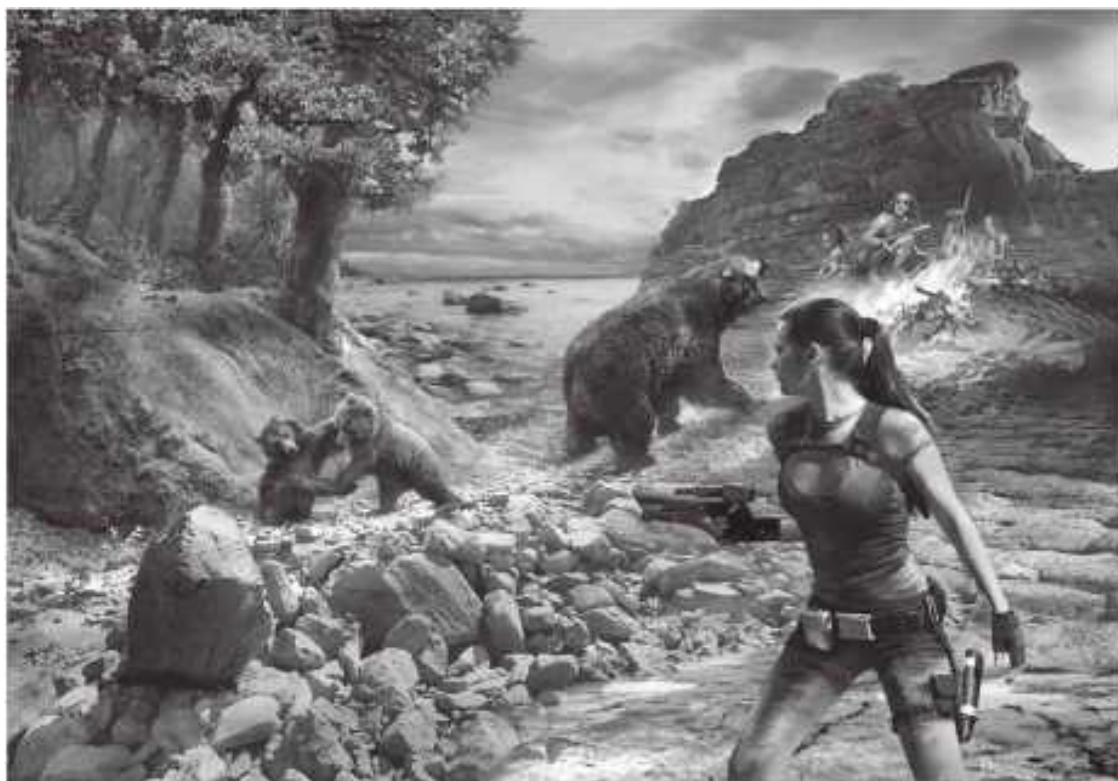
Часть I	7
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	26
Глава V	32
Глава VI	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Минасян

Мир без границ

Татьяна Минасян, журналист из Санкт-Петербурга, родилась в 1979 году. В пятнадцать лет написала свой первый рассказ, в двадцать пять впервые приняла участие в литературном конкурсе и вышла в финал, в тридцать основала литературный клуб «Страница». Пять ее книг, не считая этой, вышли в свет на бумаге, а все остальные можно прочитать на интернет-сайте «Самиздат».

Часть I

Глава I

Шум, смех, радостные голоса, веселая музыка, яркие огни, мельтешение разноцветных пятен – недавно открывшийся после долгого простоя развлекательный городок выглядел точно так же, как и на видеозаписях двадцатилетней давности. И, пожалуй, подумалось вдруг Аркадию Светильникову, на видео он казался более привлекательным. Рассматривать красочные дворцы и домики, где жили разные сказочные персонажи, было интересно, но для того, чтобы заходить в них, Аркадий считал себя уже староватым – все-таки ему уже почти стукнуло восемнадцать, так что сам факт нахождения в подобном месте казался молодому человеку чем-то неправильным и даже неприличным. Домики предназначались для детей – их в городке оказалось непривычно много, просто на улице столько не встретишь. Особенно бросалась в глаза одна группка родителей с детьми, заходившая во все сказочные избушки подряд: среди малышей не старше пяти лет выделялся мальчик лет десяти. Другие взрослые посетители городка бросали на него любопытные взгляды и едва удерживались от того, чтобы не пялиться на такое чудо во все глаза.

Светильников и его спутница тоже украдкой поглазели на ребенка, явно родившегося после начала эпидемии. Встреча с такими детьми считалась доброй приметой, однако в ближайшее время Аркадию ничего хорошего не светило: он не любил массовых развлечений, да и вообще дальних прогулок, и предпочел бы провести время дома за интересной беседой или просмотром какого-нибудь фильма, но подруга имела другое мнение о том, как надо отпраздновать окончание школы, и безжалостно тащила его вперед. Они миновали детский квартал с его принцессами, богатырями, драконами и прочими героями сказок, потом сектор для любителей фантастики с взлетающими и стремительно падающими вниз космическими кораблями и гуляющими по улицам инопланетными монстрами всех мастей, потом огромный аквариум с разноцветными рыбами и лабиринт из цветущих кустов...

– Сюда, сюда, мы почти пришли, сейчас будет лес с динозаврами, потом разные исторические эпохи, а потом!.. – Светло-серые глаза Эммы Веденеевой сверкали от предвкушения любимых ею экстремальных развлечений.

Светильников тащился за ней с несчастным видом и украдкой поглядывал по сторонам, подумывая о том, чтобы вырваться, забежать за угол какого-нибудь здания и затеряться среди узких переулков или в густых искусственных зарослях. Останавливало его лишь то, что Эмма, уже побывавшая в Лисьем Носу в день открытия городка и хорошо изучившая его по видеозаписям, без труда сумела бы поймать беглеца.

– Вон, смотри, их уже отсюда видно! – воскликнула она, внезапно остановившись и показывая рукой куда-то вперед и вверх. Там, над черепичными крышами средневекового городка, к которому они как раз подходили, возвышался гигантский «клубок» спутанных рельсов, причем как раз сейчас по ним проносилась вереница из нескольких вагончиков. И хотя до аттракциона оставалось еще метров двести, Аркадию показалось, что он слышит истошные вопли тех ненормальных, кто сидел в вагончиках.

Чуть в стороне от рельсов в бирюзовое небо воткнулись две какие-то вышки, а еще дальше торчала ажурная конструкция, напоминавшая остов полностью сгоревшего здания, – Светильников не знал, какие аттракционы там находятся, и не имел ни малейшего желания узнать, но не сомневался, что на каждом из них его взбалмошная подруга непременно захочет прокатиться. Причем не в одиночку: с самого детства Эмма была очень щедрой девочкой, она

всегда с радостью делилась с Аркадием игрушками, книгами и сладостями и, конечно же, мечтала разделить с ним удовольствие от экстремальных развлечений.

– Послушай... – осторожно начал Светильников, пытаясь решить, что более постыдно – отказаться от катания на самых «убойных» аттракционах сейчас или упасть в обморок после катания. – Я... как бы тебе объяснить...

– У тебя денег мало? – по-своему поняла его замешательство девушка. – Ой, ну что ж ты сразу не сказал?! Хм...

Эмма нахмурилась, и ее спутник с ужасом подумал, что сейчас она предложит заплатить за обоих, отрезав ему последний путь к отступлению. Однако то ли у подруги Аркадия тоже осталось недостаточно денег, чтобы заплатить за двоих, то ли она просто оказалась еще и чутким человеком, но уговаривать его покататься за ее счет девушка не стала.

– Ладно, – вздохнула она. – Жаль, конечно... Ну ничего, мы как-нибудь еще сюда приедем. Начнем учиться, получим первую стипендию – и тогда...

Ее глаза снова сверкнули азартным огнем. Светильников же облегченно вздохнул: вынесенный ему «приговор» не отменили полностью, однако он получил большую отсрочку – теперь до приведения его в исполнение им требовалось стать студентами, а они пока еще даже не выбрали, куда поступать!

– Давай тогда поищем что-нибудь еще интересненькое... – предложила Эмма, оглядываясь по сторонам. Прямо перед ними возвышалась замшелая каменная стена средневекового европейского города, справа тянулся растительный лабиринт, сзади остались доисторические джунгли, а слева, частично скрытый настоящими, а не искусственными соснами, белел какой-то полукруглый павильон. По сравнению с большинством зданий в развлекательном городке он был невысоким – этажа в три или около того.

– Пошли глянем, что у нас там! – решила Веденева и зашагала к полукруглому строению, снова потащив за собой спутника.

– Виртуалка, – предположил Аркадий, когда они подошли поближе и смогли прочесть довольно скромную для подобного места вывеску над входом: «Лабиринт страха».

– Зачем для виртуалки такой большой павильон? – не согласилась девушка, отпуская его руку и подбегая к крыльцу, где стоял, обернувшись в ее сторону, черноволосый парень – на вид их ровесник, один из последних людей, рожденных до эпидемии. Он собирался войти внутрь, но, услышав голос Эммы, остановился и придержал для нее дверь.

– Это не виртуалка, – сообщил он, задержав на девушке взгляд чуть дольше, чем того требовала вежливость. – Здесь реаловый лабиринт ужасов – настоящие коридоры, комнаты, на тебя там кто-то напрыгивает, и все такое прочее...

– В самом деле?! – удивилась Веденева. – А вы здесь бывали уже?

– Нет, я вообще в городке первый раз, мне друзья рассказывали, – брюнет галантным жестом пригласил ее войти, после чего уже не так манерно кивнул Аркадию, и тот тоже проскользнул в павильон. Дверь за всеми тремя отдыхающими со стуком захлопнулась, и они обнаружили, что стоят в маленькой тесной комнатке с черными стенами, где единственной мебелью служил столик с кассой, а единственным обитателем была девушка-кассирша, сидящая за этим столиком. Табличка рядом с ней сообщала, что стоит аттракцион совсем недорого, лишая Аркадия последнего предлога для того, чтобы отказаться от участия.

– Здравствуйте! – улыбнулась вошедшим кассирша. – Пройти лабиринт можно только по одному.

Светильников переглянулся с подругой и с незнакомым парнем, и все трое пожали плечами. Обычно так дешево стоили виртуальные экскурсии, где любой желающий мог погрузиться в компьютерную реальность, чтобы поиграть в какую-нибудь игру или побывать на экскурсии в любой точке мира и в любой исторической эпохе. Был среди таких игр и любимый подругой Аркадия экстрим с беготней по какому-нибудь зданию или разрушенному городу,

чтобы спастись от разных монстров или, наоборот, поохотиться на них. Однако для компьютера и специального кресла, где сидел играющий, требовалось совсем немного места. «Неужели здесь так много виртуальных кабин? – удивился Светильников. – Развлечение-то уже немодное, такое количество компов вряд ли окупится... Или все-таки тут не виртуалка, как этот красавчик сказал?..»

– Скажите, пожалуйста, тут действительно лабиринт ужасов, как в игре, но реаловый? – поинтересовалась тем временем Эмма у кассирши. Та утвердительно кивнула:

– Именно так. Попробуйте – не пожалеете!

Аркадий со вздохом подумал, что от судьбы не уйдешь и что ему все-таки придется сегодня понервничать, и полез в карман за кошельком, утешая себя тем, что бегать по лабиринту с монстрами все же лучше, чем летать высоко над землей с огромной скоростью. Эмма и черноволосый красавчик уже протягивали кассирше деньги.

– Если вдруг вам станет совсем страшно, до такой степени, что вы не сможете двигаться, – тогда кричите кодовое слово «Ужас!», – неожиданно посоветовала та. – Тогда мы сразу же включим свет и выведем вас из лабиринта.

Все трое ее клиентов переглянулись. Конечно, в городке существовали очень «острые» развлечения, и желающих опробовать их спрашивали, нет ли у них проблем с сердцем, но настолько серьезное предупреждение выглядело здесь как-то странно. Оно бы больше подошло на тренажерах для подготовки космонавтов или подводных исследователей, но никак не в парке аттракционов!

– Даму – вперед! – брюнет повторил свой галантный жест, и Веденеева, помахав Светильникову рукой, решительно шагнула в узкий дверной проем, занавешенный плотной черной тканью. Аркадий вопросительно посмотрел на кассиршу.

– Следующий может войти через пять минут, – уведомила та, и Светильников перевел взгляд на красавчика.

– Идите следующим, вы же вместе, – предложил тот, и Аркадий рассеянно кивнул. Он не имел никакого желания лезть в темный павильон, но все пути к отступлению были отрезаны. Подойдя вплотную к черной занавеске, парень прислушался, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, однако в здании стояла тишина. А ведь Эмма, столкнувшись с монстрами, или кто там должен прятаться в лабиринте, непременно завизжала бы – не столько от страха, сколько от восторга! Неужели там настолько хорошая звукоизоляция? Хотя какой-то негромкий шум из-за занавески все-таки доносился: словно где-то далеко что-то не то гудело, не то жужжало...

– Можете идти! – кивнула Аркадию продавщица билетов, и он с обреченным видом поднял тяжелую черную ткань.

Пространство за ней выглядело таким же черным – темнота в павильоне оказалась совершенно непроницаемой. Сделав шаг сквозь дверной проем, Светильников остановился, надеясь, что его глаза сейчас привыкнут к темноте и он сможет увидеть хотя бы контуры стен и дверей. Но в помещении не имелось даже самого крохотного источника света, даже самой узкой щелки, через которую он мог бы проникнуть внутрь, поэтому рассмотреть в нем что-либо никто бы не смог в принципе. Видимо, предполагалось, что бродить по лабиринту – по крайней мере, в начале – любителям «остренького» надо на ощупь.

Аркадий осторожно вытянул вперед руки, повел ими направо, налево, сделал шаг сначала в одну, а потом в другую сторону и наконец наткнулся правой ладонью на мягкую и слегка пружинящую, как хороший диван, стену. Создатели аттракциона явно предусмотрели, что испуганный человек может начать метаться по лабиринту и биться головой обо все, что окажется на его пути. Ощупав стену рядом с собой и убедившись, что она тянется куда-то вперед, Светильников развернул правую руку ладонью к себе и повел по мягкой поверхности наружной стороной кисти – в школе, на уроках по технике безопасности, их учили так делать в незнакомых помещениях, чтобы не схватиться в темноте за оголенный электропровод, и, хотя в парке

развлечений он точно мог не опасаться ничего подобного, молодой человек решил попрактиковаться в такой осторожности. Мало ли что его ждет в жизни, может, когда-нибудь придется так же, в темноте, пробираться по зданию, где эта опасность будет реальной.

Стена под его рукой сначала ощущалась ровной и совершенно гладкой, а потом изогнулась вправо под скругленным и тоже очень мягким углом. Аркадий повернул, продолжая вести правой рукой по стене и вытянув вперед левую на случай, если перед ним окажется какое-нибудь препятствие. Однако пока путь оставался свободным, и вокруг вообще не происходило ничего особенного и тем более страшного. Светильникову это показалось подозрительным. Видимо, как раз теперь, когда он немного расслабился – насколько возможно в незнакомом помещении и в полной темноте, – его и должны напугать чем-то неожиданным. И стоило подумать об этом, как вокруг на мгновение вспыхнул свет – такой яркий, что молодой человек тут же зажмурился, – и где-то наверху, высоко над головой, раздался грохот, похожий на раскат грома.

Вздвигнув, Аркадий прижался к стене. Перед глазами поплыли разноцветные светящиеся пятна – в первый момент они показались совершенно беспорядочными, но затем молодой человек с удивлением обнаружил, что пятна складываются в контуры небольшой квадратной комнаты с дверным проемом возле одного из углов. Слева от двери стояло что-то вроде высокого шкафа, а на полу, в центре комнаты, как будто бы темнело вытянутое овальное пятно. Обстановка словно сфотографировалась в глазах Светильникова, и он продолжал видеть ее, несмотря на то что вокруг опять сгустилась непроницаемая тьма. Причем изображение все еще плыло у него перед глазами даже после того, как прошло довольно долгое время, хотя должно было рассеяться уже через несколько секунд.

Где-то далеко, словно за плотно закрытой дверью, снова послышался гром, только теперь приглушенный, и тонкий женский визг. Вероятно, там, впереди, начинались обещанные ужасы, и Эмма – а может, какая-нибудь другая посетительница – наконец добралась до них. Аркадий напомнил себе, что все происходящее – игра, но помогло слабо. Хотелось броситься вперед, на крик, чтобы защитить подругу от всех опасностей, пусть даже и мнимых. Правда, несмотря на страстное желание, молодой человек все же не побежал ко все еще маячившему у него перед глазами дверному проему кратчайшим путем, наискосок через комнату, а продолжил двигаться вдоль правой стены, как и прежде, прижимая к ней тыльную сторону ладони. Вытянутое пятно на полу вызывало у него слишком большие подозрения. Оно запросто могло оказаться огромной дырой, под которой находился батут или натянутая сетка, – очень в духе местных аттракционов. Так что приближаться к пятну в темноте не стоило, как и к шкафу возле двери, откуда наверняка мог выпрыгнуть какой-нибудь реалистично выглядящий монстр или еще что-то подобное.

Не отнимая руку от стены, Аркадий уже более быстрым шагом обошел почти половину комнаты. Постепенно запечатлевшиеся у него перед глазами очертания помещения поблекли и сделались плохо различимыми, но необходимость в них уже отпала: молодой человек знал, что приближается к двери, чувствовал это каким-то необъяснимым чутьем. Точно так же, как чувствовал и неведомую опасность, исходившую от похожего на шкаф предмета с другой стороны от двери. Ощущение опасности усиливалось с каждым мгновением и, когда правая рука Светильникова нащупала закругленный край стены, стало таким острым, что на секунду он даже замер на месте, не решаясь сделать следующий шаг. Но затем все то же чутье в буквальном смысле толкнуло его вперед, требуя, чтобы он как можно скорее прошел мимо шкафа и попал в следующее помещение, – и Аркадий, повинуясь, шагнул в проем, нервно косясь налево, где находился подозрительный шкаф...

И с ужасом шарахнулся вглубь второго помещения, потому что шкаф внезапно вспыхнул ярким пламенем, и молодого человека обдало жаром. Он не устоял на ногах, плюхнулся на пол, затянутый мягким ковровым покрытием, и перекатился на бок, уверенный, что его одежда

уже загорелась, что языки сильного огня наверняка достали до нее и сейчас он почувствует страшную боль. Но спустя еще пару секунд ему стало ясно, что паниковал он зря – с одеждой все оказалось в порядке, а огонь позади него погас так же неожиданно, как и вспыхнул.

– Хорошие у вас тут голограммы, качественные! – громко объявил Светильников в темноту, не сомневаясь, что за ним наблюдают, после чего поднялся на ноги и зашагал вдоль стены, вновь ведя по ней тыльной стороной кисти. Идти пришлось довольно долго, и, хотя молодой человек каждый миг был готов к каким-нибудь неожиданностям, ничего не происходило: вокруг по-прежнему стояли полная темнота, звенящая тишина и мягкие стены. Та стена, вдоль которой продвигался Аркадий, казалась ему не совсем прямой – она словно бы загибалась влево по широкой дуге, заставляя его поворачивать. И он шел, смещаясь все левее, пока внезапно левая рука, постоянно ощупывавшая пространство перед собой, вдруг не натолкнулась на вторую мягкую стену – она, как выяснилось, находилась примерно в метре от первой. Светильников оказался в узком коридоре, уходившем куда-то вперед, и, пройдя по нему еще несколько шагов, обнаружил, что тот постепенно сужается. Теперь уже Аркадий вел по стенам обеими руками и с каждый шагом чувствовал, как они сближаются друг с другом. А еще через пару метров его макушка вдруг наткнулась на такой же мягкий, как и все вокруг, потолок.

Молодой человек поежился – находиться в таком узком пространстве, да еще в темноте, оказалось довольно неудобно, – но не остановился. Теперь ему сделалось ясно, что коридор и дальше продолжит сужаться – видимо, пока не станет таким тесным, что через него с трудом можно будет протиснуться. Не слишком приятно, но все же не страшно...

Ожидания Аркадия оправдались: вскоре он уже полз на четвереньках по узкой мягкой «кишке», а потом ему и вовсе пришлось распластаться по полу, вытянувшись во весь рост и вытянув вперед руки. Он начал медленно подтягиваться, цепляясь пальцами за складки коврового покрытия. Тоже не страшно, хотя и весьма тяжело.

Страшно Аркадию стало, когда внезапно на него со всех сторон обрушился вой сирены – пронзительный, заполнивший собой и без того тесное пространство и словно бы вытеснивший из него весь воздух. Молодой человек забился в узкой «кишке», задергался из стороны в сторону и собрался ползти назад, но в последний момент сообразил, что уже преодолел приличное расстояние, а возвращаться ногами вперед будет еще труднее. Тогда он рванулся вперед, задыхаясь и уже почти не осознавая, что происходит, – и внезапно давящие на него со всех сторон стены раздвинулись, и он вывалился на свободное место, покрытое все тем же ковром, с той лишь разницей, что теперь туго натянутый ковер не собирался в складки.

Сирена смолкла, и в помещении на долю секунды вспыхнул свет. Светильников снова увидел окружающую обстановку: круглую комнату, три дверных проема в форме арок, темный прямоугольник на полу... Тьма вернулась почти сразу же, но Аркадий продолжал видеть эту комнату еще яснее, чем видел первую после вспышки света, и осторожно поднялся на ноги, собираясь пройти вдоль правой стены к ближайшей арке. Четырехугольник в центре молодой человек решил считать дырой, как и первое пятно, и приближаться к нему не собирался, однако не успел он сделать и пары шагов вдоль стены, как со стороны третьего, самого дальнего от него выхода из комнаты донесся вопль – уже не сирена, а человеческий крик, и крик, звучащий по-настоящему страшно. Непонятно, мужчина вопил или женщина, но кем бы ни был этот человек, он орал от ужаса и боли, в чем Аркадий не усомнился ни на секунду. Любители острых ощущений, взлетающие в небо на «американских горках», визжат не так, и те, кого внезапно напугали чем-то неожиданным, тоже кричат иначе. Человек, вопивший теперь, не просто испугался – с ним происходило что-то действительно ужасное.

В глубине сознания Светильникова еще жила мысль о том, что вокруг всего лишь аттракцион, но когда он метнулся напрямик через комнату в ту сторону, откуда исходил крик, она отодвинулась куда-то очень далеко, в самый дальний угол. Кажется, где-то там же промелькнула еще одна мысль – о том, что даже на аттракционе с кем-нибудь мог произойти несчастный

случай, и что этим человеком вполне могла оказаться путешествующая по лабиринту впереди Аркадия Эмма.

Он галопом проскакал по комнате, все-таки попытавшись обогнуть то место, где находился темный прямоугольник, но немного не рассчитал, и его очередной прыжок пришелся в пустоту. Завопив ненамного тише того неизвестного человека, Светильников полетел куда-то вниз, в черную бездонную глубину, как ему показалось в первый момент, вообще бесконечную... Но она неожиданно закончилась упругой сетью, несколько раз подбросившей молодого человека вверх и снова принявшей его в свои спасительные объятия.

– Черт побери!!! – заорал Аркадий, беспомощно барахтаясь в сети. – Чтоб я!.. Еще хоть раз!.. Хоть когда-нибудь!..

– Все-все, успокойтесь, все хорошо! – послышался где-то в стороне мягкий женский голос, и в помещении, куда прилетел Светильников, зажегся приглушенный свет. К сетке, на которой Аркадий теперь лежал неподвижно, отчаявшись вылезти самостоятельно, подошла молодая темноволосая женщина лет двадцати пяти. Она протянула ему руку, и он, шурясь от мягкого, но все равно слишком яркого для его привыкших к темноте глаз света, пополз к краю сетки, натянутой, как оказалось, примерно в метре над полом.

Комната, где он теперь находился, тоже была круглой и своими очертаниями повторяла помещение над ней, откуда вывалился Светильников. Задрав голову, он увидел в потолке прямоугольный люк и зияющую за ним крошечную темноту.

Вдоль стен нижней комнаты стояли изогнутые, повторяющие ее форму мягкие топчаны – на один из них смотрительница аттракциона и усадила Аркадия.

– Посидите, отдышитесь, – посоветовала она, ласково улыбаясь. – Надеюсь, вам понравился наш «Лабиринт ужасов»?

– Если честно, то не очень, – признался молодой человек. – Я не большой любитель таких развлечений. А вот моей спутнице наверняка понравилось.

– Да, она в полном восторге! Ждет вас на выходе, – сообщила ему женщина.

– Это не она кричала? – на всякий случай уточнил Светильников.

– Что вы, это запись... одного крика, – объяснила его собеседница, на мгновение чуть заметно изменившись в лице. – Ну что, вы хорошо себя чувствуете? Сможете идти?

– Да смогу, конечно! – Аркадий вскочил на ноги, и женщина вывела его в комнатку, похожую на ту, где находилась касса, только здесь стоял столик с компьютером, за которым сидел, разговаривая с вертевшейся перед ним Эммой, мужчина средних лет.

– А скажите еще, я ведь там петлю сделала, два раза по одному и тому же коридору прошла? – поинтересовалась она, когда Аркадий вышел из занавешенного черной шторой дверного проема.

– Совершенно верно, – кивнул мужчина, что-то быстро набирая на клавиатуре.

– А что там было такое мокрое... липкое?.. – продолжила расспросы девушка, морщась и потирая руки.

– Секрет фирмы, – невозмутимо отозвался ее собеседник.

– Похоже, ты больше меня там всего повидала, – заметил Светильников, и его подруга, обернувшись, бросилась к нему на шею:

– Аркашка! Это потрясающе!!! Как же здорово, что мы сюда пришли! А ведь могли не заметить павильон, мимо пройти...

Женщина, которая привела сюда Светильникова, отошла к стене, снисходительно улыбаясь, а мужчина поманил его к себе.

– Молодой человек, будьте добры, ответьте на несколько вопросов. Аттракцион новый, и мы собираем анкеты посетителей, чтобы его улучшить, усовершенствовать.

Опрос не занял много времени – Аркадий лишь рассказал, что показалось ему самым страшным, а что не вызвало особых эмоций. Правда, ему пришлось назвать еще и свое имя с

фамилией и оставить номер мобильного – мужчина пообещал позвонить ему, если аттракцион сделают еще более экстремальным, и пригласить опробовать улучшенную версию «Лабиринта ужасов». Про себя молодой человек решил, что как-нибудь проживет без повторного прохождения лабиринта, пусть даже и усовершенствованного, но, поскольку рядом стояла Эмма, говорить такое вслух не стал.

Он заканчивал диктовать свой телефон, когда из второй выходящей в эту комнату двери, тоже закрытой черной тканью, выкатился тот самый черноволосый парень, покупавший билеты одновременно с ними. Выкатился в прямом смысле – кувырком, ловко сгруппировавшись, как делают герои боевиков, уворачивающиеся от вражеских пуль.

Оказавшись в центре помещения и обнаружив, что он уже не в лабиринте, брюнет охнул, крепко выругался и легко вскочил на ноги. Его карие глаза горели таким же буйным восторгом, как и светлые глаза Эммы.

– Прошу прощения! Был напуган! – слегка поклонился он сначала Веденеевой, а потом смотрительнице, и те ответили ему восхищенными взглядами. – Самый потрясающий аттракцион, какой я когда-либо видел! Это... – с его уст едва не сорвалось очередное крепкое выражение, но парень вовремя спохватился и картинно зажал себе рот обеими руками.

– Вы не могли бы пройти небольшой опрос? – обратился к нему сидевший за компьютером сотрудник.

– Да, конечно! – с готовностью шагнул к нему брюнет.

– Ваше имя?

– Любим Маевский.

– Возраст?

– Семнадцать. С половиной.

– Что показалось вам в лабиринте самым пугающим?

– Ну... э-э-э... дайте подумать... Там вообще-то все ужас как пугает...

Аркадий посмотрел на Эмму, после чего кивнул на обычную дверь, ведущую на улицу, и девушка, взяв его под руку и поблагодарив сотрудников аттракциона, направилась вместе с ним к выходу. Уже стоя в дверях, она оглянулась на продолжавшего отвечать на вопросы анкеты Любима, и Светильникову показалось, что в ее взгляде промелькнуло что-то похожее на сожаление.

Глава II

Эмма Веденеева высунулась из-под одеяла, выключила пищавший на стуле рядом с ее кроватью будильник в мобильном телефоне и снова уронила голову на подушку, мечтая поваляться в постели еще хотя бы пару минут. На соседней кровати зашевелилась, пряча голову под подушку, еще одна не до конца проснувшаяся девушка, а из-за двери доносились обрывки разговоров остальных обитательниц квартиры:

- Девчонки, если мой телефон будет звонить – пусть звонит, не обращайтесь внимания.
- Ты опять, что ли, со своим Эдиком поссорилась?
- Это он со мной поссорился, пусть теперь помучается!
- Тогда выключи звук, он же у тебя верещит как резаный!
- Кто, Эдик или мобильник?

Дружный хохот соседок заставил Эмму окончательно проснуться, и она нехотя села на кровати. Может, поспать еще и поехать ко второй паре? Что там должно быть на первой?..

Однако вспомнив, что именно ждет ее сегодня на занятиях, девушка мгновенно отогнала остатки сна, вскочила на ноги, схватила висевший на спинке стула халатик и бросилась в ванную. Ей повезло – оттуда как раз выходила одна из соседок с полотенцем на голове, и Веденеева быстро проскользнула в открытую дверь ванной комнаты, опередив других желающих умыться. Ей стоило поспешить, ей нельзя было опаздывать!

Нырнув в душевую кабинку, девушка вдруг вспомнила, как почти так же торопливо собиралась утром примерно год назад, через несколько дней после той памятной поездки в Лисий Нос с Аркадием. Тогда она еще жила с родителями, и ее тоже разбудил сотовый телефон – но не будильник, а звонок с неизвестного номера. Вежливый мужской голос спросил, может ли он поговорить с Эммой Николаевной Веденеевой. Дальнейший их разговор девушка и теперь, спустя год, помнила наизусть.

– Мы хотели бы пригласить вас на предварительное собеседование в Институт хроноисследований, – сообщил звонивший. – Сможете приехать сегодня к одиннадцати часам?

Эмма быстро взглянула на черный циферблат висевших на стене часов со слабо светящимися цифрами – самое начало девятого. Впрочем, она помчалась бы на такое собеседование, даже если бы до него оставалось полчаса, – собралась бы в пять минут, отдала бы все имевшиеся в кошельке деньги за такси, но успела бы вовремя!

– Смогу, конечно же... – растерянно отозвалась она, а потом робко поинтересовалась. – Могу я узнать, почему вы... меня приглашаете?

Веденеева не сомневалась, что учеба в ИХИ ей не грозит, – и школьные оценки у нее были далеко не идеальными, и вообще, все знали, какой жесткий отбор проходят желающие учиться или работать в этой организации. Там требовались превосходное здоровье и физическая подготовка, отличное знание истории, актерские способности и множество разных умений, которыми Эмма точно не обладала. Она собиралась подавать документы в несколько престижных вузов и думала, что точно поступит в один из них, но ей и в голову не приходило отправиться туда, где готовили путешественников во времени! Тех, кто будет делать самую важную в мире работу, в прямом смысле помогать человечеству не исчезнуть с лица Земли.

– Мы предполагаем, что вы можете нам подойти, – спокойно сказал ее собеседник. – Это еще не точно, но кое-какие навыки у вас есть.

– А... откуда вы знаете?! – изумилась Эмма.

– Вы успешно прошли одно из испытаний для абитуриентов, – объяснил мужчина.

– Когда?! – окончательно перестала что-либо понимать девушка, но в следующий миг ей вдруг все стало ясно. – Неужели... в «Лабиринте ужасов»?!

– И это тоже может означать, что вы нам подходите, – вы достаточно догадливы, – усмехнулся сотрудник ИХИ, после чего назвал номер корпуса и кабинета, куда девушке следовало приехать, и повесил трубку.

Веденеева вскочила с кровати и принялась торопливо рыться в шкафу в поисках подходящей одежды – и снова услышала телефонный звонок. На сей раз с ней спешил поговорить ее старый друг, Аркадий.

– Эмка, ты не представляешь, откуда мне сейчас позвонили! – завопил он срывающимся голосом, когда девушка взяла трубку.

– Представляю! – откликнулась его подруга в полном восторге.

А первым, кого они с Аркадием увидели, когда встретились у входа в главный корпус ИХИ, оказался черноволосый парень по имени Любим, проходивший «Лабиринт ужасов» сразу после них. Вид у него был далеко не таким самоуверенным, как тогда, – красавчик-брюнет, казалось, все еще не верил в происходящее.

– Даму – вперед, – машинально повторил он те же слова, что произнес на входе в «Лабиринт», распахивая перед Эммой дверь.

Потом состоялось первое собеседование, а за ним еще несколько, с разными людьми – они расспрашивали кандидатов в студенты о самых разных, порой неожиданных и, на первый взгляд, совершенно не относящихся к месту их возможной учебы вещах. Прошли экзамены и тесты по множеству предметов, включая и совершенно далекие от истории, а также медкомиссия и тесты по физкультуре. Были и погружения в виртуальную реальность, копирующую разные исторические эпохи, и задания изобразить в них обычного жителя того времени... В итоге к концу лета от нескольких сотен соискателей – часть из них отобрали в «Лабиринте ужасов» и на других похожих экстремальных аттракционах – осталось всего тридцать три человека. Впрочем, на посвящении в студенты, где не верящая своему счастью Эмма стояла между Аркадием и Любимом, им пообещали, что к концу учебы их останется еще меньше. Что оказалось правдой: сегодня на первое серьезное практическое задание в институт ехали только девятнадцать заканчивающих первый курс студентов, остальные отсеялись в течение года.

Веденеева выскочила из ванной, вернулась в комнату и принялась так же поспешно одеваться. Соседка, спавшая, когда Эмма уходила, сидела на краю кровати, зевая и расчесывая волосы, – она лишь сонно кивнула в знак приветствия. Но студентке ИХИ было не до разговоров, она спешила на задание.

– Всем пока! – крикнула Эмма через несколько минут, пробегая по коридору и отпирая входную дверь. Еще через минуту она уже ловила маршрутку, морщась от холодного петербургского ветра, несущего ей в лицо мелкие капли дождя. Ничего, скоро она отправится очень далеко от своего любимого, но все-таки слишком уж мокрого и холодного, даже в летнее время, города! Хотя не факт, что там, где она окажется, более приятно находиться...

Первое настоящее, а не виртуальное погружение их группы в прошлое оставило у Эммы и ее друзей не очень радостное впечатление. Для начала их отправили не слишком глубоко – в самое начало XXI века, и совсем недалеко от того места, где они находились, – в исторический центр Петербурга. Все, что от них требовалось, – пройти по Невскому бульвару, тогда еще не ставшему пешеходной зоной и называвшемуся проспектом, изображая группу туристов и слушая рассказ о жизни в то время преподавательницы Терезы Михайловны, игравшей роль экскурсовода. Первокурсники превосходно справились с этим нехитрым заданием – они глазели по сторонам с искренним интересом, выискивая, чем возвышающиеся вокруг здания отличаются от самих себя в XXIII веке. Но до чего же там было шумно и душно! Автомобили, автобусы и троллейбусы, выглядевшие так непривычно для туристов из будущего, пронеслись мимо них с жутким ревом и обдавали всех вокруг вонючими выхлопными газами, от которых слезились глаза и хотелось кашлять. В свое родное время экскурсанты вернулись бледными и судорожно хватающими ртом воздух.

– Как они вообще жили в те времена?! Это же невозможно! – изумленно хлопала глазами одна из студенток. Сколько ни рассказывали им о разных особенностях каждой эпохи на лекциях, сколько ни заглядывали они в разные эпохи без погружения на практических занятиях, первый визит в прошлое, физическое прикосновение к нему все равно стали для будущих хронопутешественников шоком.

– Между прочим, те, кто жил в ту эпоху, с таким же ужасом вопрошали, как люди жили в Средневековье, когда на улицах воняло... сама понимаешь, чем, – отозвался Любим, к которому быстро вернулась его обычная невозмутимость. – Помнишь, мы смотрели?..

– Да уж, – поддержала его Эмма. – А еще лет через сто-двести кто-нибудь наверняка будет так же нашим временем ужасаться!

– Нашим-то за что? – недоверчиво покачал головой еще один из первокурсников.

– Да уж найдется за что, я думаю. За что-нибудь, что сейчас нам кажется самым обычным, – уверенно заявил Аркадий.

За этим визитом в прошлое состоялась такая же прогулка по Флоренции XV века, где наряженные по моде того времени студенты – особенно затянутые в корсеты девушки – уже в полном смысле слова едва не задохнулись, а потом и самый глубокий нырок в доисторическое время, полное гигантских папоротников и таких же гигантских стрекоз, где жителям XXIII века вновь стало нехорошо, на сей раз от избытка кислорода. Последующие визиты в разные страны и эпохи дались учащимся уже легче – оказалось, что к самым необычным запахам можно привыкнуть, а некоторые из них человек и вовсе вскоре перестает ощущать, так что теперь, готовясь к очередному заданию, молодые люди и девушки могли не опасаться таких неудобств. Что, однако же, не мешало им волноваться по другой причине: все они впервые отправлялись в прошлое не для того, чтобы просто смотреть, – им предстояло действовать.

Именно об этом думала Эмма, выпрыгивая из маршрутки напротив главного корпуса Института хроноисследований и быстрым шагом направляясь к нему через дорогу. Дождь усилился, теперь превратившись из мелкой противной мороси в полноценные холодные капли, но девушка не обращала на них внимания. Она обежала главный корпус и заспешила к расположенному в стороне от шоссе, за небольшим сквериком, более скромному на вид шестизэтажному зданию Хроноспасательной службы.

Аркадий и Любим, как это чаще всего бывало, подошли к входу почти одновременно с ней. Друг на друга молодые люди поглядывали не очень дружелюбно, зато свою подругу поприветствовали с искренней радостью, после чего все трое, приложив к считывающему устройству свои студенческие билеты, поднялись на третий этаж.

Там, в углу большого зала, центр которого занимала чуть возвышавшаяся над полом круглая металлическая платформа, уже собралось большинство их однокурсников – не хватало только двух человек. Вбежавшая в зал троица быстро поздоровалась с остальными и так же, как и они, молча уставилась на блестящий металлический круг, думая о том, что через несколько минут каждому из них придется занять место в его центре. И хотя все они уже проделывали то же самое в главном корпусе, волновались студенты едва ли не сильнее, чем в первый раз, тогда они отправлялись в прошлое группой, теперь же каждому из них предстояло шагнуть на платформу в одиночку.

– Так, ну что, это у нас первый курс? – одна из многочисленных дверей, выходивших в зал, распахнулась, и к кучке притихшей молодежи быстрым шагом подошел один из преподавателей – полный мужчина лет сорока пяти с роскошной, идеально причесанной, каштановой с проседью бородой, достающей ему чуть ли не до пояса. Первокурсники не раз встречали его в коридорах, но знакомы не были: он вел занятия у старших курсов.

Студенты негромко загалдели, подтверждая, что это именно они – первокурсники, пришедшие на свое первое практическое задание.

– Прекрасно. Все в сборе? – окинул он взглядом своих подопечных. В ту же секунду распахнулась дверь на лестницу, и к группе, тяжело дыша, присоединились двое опоздавших.

– Теперь – все, – объявил Любим Маевский, и бородач удовлетворенно кивнул.

– Очень хорошо. Меня зовут Лион Иоаннович, и я буду руководить вашей первой практикой. Процедуру вы уже знаете. Кто в какое место отправится – тоже, верно?

Студенты утвердительно загудели, и сотрудник Хроноспасательной службы подошел к ним поближе, внимательно разглядывая каждого.

– Встаньте вдоль стены, чтобы я мог вас хорошо рассмотреть, – попросил он, махнув рукой за спины парней и девушек. Те поспешно встали у стенки, и Лион Иоаннович снова принялся изучать их внешний вид.

– Что ж, одежда у вас у всех подходящая, – одобрительно кивнул он. – Хотя тут просто все, вы же в конец двадцатого отправляетесь...

– Я – в начало двадцать первого! – подняла руку Эмма, и бородач повернулся к ней.

– Тогда тоже носили в основном свитера и джинсы, так что у вас все в порядке, – заверил он девушку. – Как ваша фамилия?

– Веденеева. Эмма Веденеева.

– Что ж, Эмма, у вас просто замечательное лицо! – заявил внезапно бородач. – Лучшее, что я когда-либо видел.

– Спасибо... – залилась краской первокурсница, не зная, как правильно реагировать на такой прямолинейный комплимент. Стоявший справа от нее Аркадий громко заскрипел зубами.

– У вас совершенно заурядная, усредненная внешность, – продолжил между тем сотрудник ХС. – Она не запоминается и выглядит уместной в большинстве стран и эпох. Ну, там, где живет белая раса, само собой. Большая редкость, сейчас таких лиц днем с огнем не найдешь!

«Заурядное» лицо девушки стало пунцовым, Светильников сжал кулаки, а Любим наморщил лоб, явно подыскивая какой-нибудь язвительный ответ. Кто-то из их сокурсниц хихикнул.

– Ладно, пора, – спохватился вдруг бородач и направился к стоявшему неподалеку от входной двери столу с компьютером. – Пора начинать. Проверим ваши передатчики. Всем тихо!

Студенты, и так хранившие напряженное молчание, перестали дышать, и в следующий миг в голове у каждого из них зазвучал незнакомый им женский голос:

– Здравствуйте, меня зовут Виолетта Неонова, и я диспетчер Хроноспасательной службы. Сейчас я буду называть каждого по фамилии, и вы ответите мне «Да». Все остальные при этом молчат. Арнаутов!

– Да! – громко крикнул один из студентов.

– Веденеева!

– Я здесь! – вскинула голову Эмма.

– Ермак!..

Переключка заняла не больше пары минут, после чего в зале снова воцарилась тишина.

– Так, а теперь тот, кого я назову, проходит в центр платформы и стоит неподвижно. Ну да вы знаете, – Лион склонился над клавиатурой. – Арнаутов!

Первый практикант отделился от стены и нарочито небрежным шагом двинулся к огромному блестящему кругу. Эмма, глядя ему вслед, прижала ладонь ко рту: девушка лишь теперь сообразила, что студентов снова вызывают в алфавитном порядке, а значит, она пойдет следующей.

Никодим Арнаутов тем временем шагнул на платформу, вышел на ее середину и замер, вытянув руки по швам. Бородач щелкнул парящей над столом компьютерной мышью, и студент исчез – мгновенно и бесшумно. Во время первых посещений прошлых эпох это очень

разочаровывало студентов, ожидавших от перемещений во времени вспышек света, грохота или еще каких-нибудь «спецэффектов», но к концу учебного года все уже попривыкли.

– Веденеева! – вызвал Лион Иоаннович, и Эмма чуть ли не бегом бросилась к платформе. С легкостью запрыгнув на нее, она, так же как только что ее однокашник, остановилась в центре, выпрямившись и глядя прямо перед собой – на своих оставшихся у стены и не сводивших с нее глаз друзей.

На мгновение вокруг нее стало темно, а потом лишь немного светлее и гораздо холоднее, чем в зале. Девушка огляделась по сторонам и поежилась: она находилась в маленьком пустынном ночном переулке, освещаемом только окнами протянувшихся вдоль него домов. Перед ней стояла обшарпанная машина со спущенными колесами и разбитыми окнами, а рядом валялась небольшая горка мусора – кто-то из живущих в ближайших домах людей не донес его до расположенной совсем рядом помойки.

Именно на помойку теперь и направлялась Эмма. Она много раз видела нужное место на экране монитора и мысленно проходила весь короткий маршрут, но теперь, оказавшись здесь на самом деле, с трудом справилась с охватившей ее нервной дрожью.

– Дойди до угла дома, до того, что слева, и остановись, – прозвучал у нее в ухе тихий голос диспетчера Виолетты, и Веденеева зашагала вперед. Порыв холодного ветра погнал по тротуару сухие листья и какие-то бумажки. Девушка снова поежилась – ее джинсы, кроссовки и легкий джемпер оказались не самой подходящей одеждой для царившей здесь осени. Стоило накинуть еще плащ...

Но теперь думать надо было о другом. Эмма дошла до конца дома, прижалась к его стене и собралась выглянуть из-за угла, но ее остановила новая команда диспетчера:

– Не сейчас! Я скажу, когда.

Веденеева затаилась возле дома. Вокруг не было ни души – в такое позднее время и такую погоду большинство жителей маленького российского городка сидели дома. Эмма знала, что момент ее появления в этом месте и времени специально подобрали так, чтобы в переулке никого не оказалось и никто из жильцов обоих домов не выглядывал в окна. Теперь, правда, ее могли увидеть, но она ни у кого не вызвала бы ни подозрений, ни даже просто любопытства – обычная девчонка, поздно возвращающаяся домой от подружки, может, подвыпившая, раз прислонилась к стене... Это здесь вряд ли кого-нибудь удивило бы.

– Выглядывай! – скомандовала Виолетта, и студентка осторожно высунулась из-за угла. Перед ней открылась часть маленького дворика. Недалеко от дома возвышался мусорный контейнер, и к нему, пошатываясь, быстро шла сгорбившаяся женщина, прижимавшая к груди какой-то сверток. Эмму местная жительница не видела – она вообще смотрела только себе под ноги и лишь изредка чуть приподнимала голову, бросая взгляд на помойку.

Веденеева замерла у стены, не спуская с женщины глаз, готовая в любой момент, если та вдруг обернется, снова отступить за угол, став невидимой для нее. Хотя она знала, что незнакомка не обернется: Эмма уже видела то, что сейчас происходило, на экране компьютера, видела, как женщина бежала к помойке, не обращая внимания ни на что вокруг. Знала девушка из будущего и о том, что идущая к контейнеру женщина не повернет назад и сделает то, что задумала, – но почему-то теперь, следя за ней широко распахнутыми глазами из-за угла, она поймала себя на мысли, что ждет именно этого. Что та остановится, оглянется назад, а потом повернет к своему подъезду и так же торопливо побежит домой.

Но женщина не остановилась. Она добралась до мусорного контейнера, приподнялась на цыпочки и бросила туда свой сверток, после чего, все так же сгорбившись и не глядя по сторонам, двинулась обратно. Эмме потребовались немалые усилия, чтобы не сорваться с места сразу же, но она все же осталась стоять возле стены дома, не спуская глаз с помойки.

– Пошла! – крикнула вдруг диспетчер, и студентка сорвалась с места, как бегун-спринтер, услышавший стартовый выстрел. В несколько прыжков она оказалась у мусорного контей-

нера, а затем подпрыгнула, ухватившись за его край, подтянулась на руках и свесилась внутрь, пытаясь разглядеть что-нибудь на его дне. В лицо ей ударила сильная вонь, но девушка даже не поморщилась – не до брезгливости теперь, ее руки шарили по валявшимся внизу обедкам, тряпкам, картонным коробкам и еще какому-то мусору. «Хорошо, что его так много, почти до верха все заполнено... – пронеслось у нее в голове. – А если бы пусто было? До дна же метра полтора...»

Но тут ее пальцы наткнулись на что-то теплое, и девушка, нагнувшись еще ниже и едва не упав в контейнер, схватила найденный сверток обеими руками и прижала его к себе, а потом, отпустив его правой рукой, схватилась ею за край контейнера и прыгнула назад, готовясь упасть на спину, если у нее не получится сохранить равновесие и устоять на ногах. Но она устояла – целый год тренировок в спортзале и неделя репетиций именно такого прыжка спиной вперед с точно такого же контейнера не прошли даром.

– Приготовься! – скомандовала Виолетта, и слабый свет задернутых занавесками окон, едва освещавших помойку, сменился полной темнотой, а потом ярким светом зала, покинутого Эммой несколько минут назад.

Веденеева зажмурилась и снова пошатнулась, но и теперь смогла устоять на ногах. Кроме света, на нее обрушился еще и довольно сильный шум: кто-то из практикантов уже вернулся со своих заданий, кто-то пока ждал своей очереди, и все довольно громко обсуждали происходящее. Но внезапно все эти звуки потонули еще в одном, таком пронзительном, что он, казалось, заполнил собой весь зал, а то и весь корпус Хроноспасательной службы. Из свертка, который Эмма прижимала к себе, раздался звонкий младенческий плач.

Глава III

Если бы студентки-первокурсницы Института хроноисследований, по большей части равнодушные к Любиму Маевскому, увидели его за этим занятием, их восторги по отношению к нему заметно поубавились бы. Но Любим знал, что в данный момент его не может увидеть никто, кроме сидящей на другом конце комнаты старой прабабушки, поэтому спокойно продолжал вытирать пыль с полок серванта и с расставленных на них многочисленных фарфоровых, деревянных и бронзовых безделушек. Самого его эта работа не беспокоила – а если бы при том еще и не требовалось поддерживать светскую беседу с хозяйкой комнаты, он вообще чувствовал бы себя счастливым, занимаясь уборкой.

Но, увы, полного счастья не испытывал ни один человек ни в одной исторической эпохе, и Маевский не стал исключением.

– Тебе ведь через час на занятия? – ворчала прабабушка из своего кресла, лениво листая какой-то текст в «читалке». – Опоздаешь ведь, доехать ведь туда еще надо...

– Не волнуйся, успею, – продолжая с сосредоточенным видом вытирать фигурки, отозвался правнук.

– Все-таки зря ты туда пошел учиться, лучше бы какую-нибудь нормальную профессию выбрал, уважаемую... – старушка завела разговор на свою любимую тему. – Соседи мне постоянно выговаривают, что мой внук не делом занимается, что нечего из прошлого в наш век всяких дармоедов таскать...

– Я никого не таскаю, я всего лишь диспетчер, – с невозмутимым видом возразил молодой человек, вспоминая о своем последнем «нырке» совместно с итальянскими хроноспасателями в Венецию начала XIII века. В принципе, то задание мало отличалось от всех прочих, но именно тогда Маевский узнал, что нести на руках сразу двух младенцев гораздо сложнее, чем одного. Да еще пришлось потом полдня скучать в карантине после охваченного чумой города – медики в ХС были перестраховщиками и боялись, что на кого-нибудь из путешественников в прошлое не подействуют прививки...

Однако прабабушке такого знать не полагалось – она и придуманной для нее «лайт-версией» учебы в ИХИ на диспетчера не сильно радовалась, о чем не забывала напомнить правнуку при каждом удобном случае.

– Все равно ты помогаешь другим лазать в прошлое за всеми этими заморышами, – продолжала она бубнить, переводя взгляд то на экран «читалки», то на Любима. – Скоро каждая семья по такому приемышу получит, а что из них потом вырастет? Первобытные дикари, средневековые мракобесы или еще что похуже!

– Ага, только вообще-то самым первым «заморышам», из тех, кого мои коллеги притащили из прошлого, уже по восемнадцать лет, они мои ровесники, – пожав плечами, молодой человек взялся за следующую полку серванта. – И что-то пока ни про мракобесов, ни про дикарей на улицах ничего не слышно...

– Так ведь их совсем мало вытащили, первых-то, экспериментальных, – возразила прабабушка. – А массово детей стали таскать из прошлого лет семь назад – так?

– Шесть, – поправил ее правнук.

– Ну, шесть, тем более. Они маленькие пока, а вот когда вырастут – тогда-то все и начнется! Я-то не доживу, а вот вы, молодые, еще пожалеете, что затеяли все это.

– Ага, нам, молодым, надо было смириться с тем, что никто больше не может рожать детей, сложить лапки и вымереть, – вяло огрызнулся Любим, уже зная, каким будет следующий бабушкин аргумент.

– Именно так и следовало сделать. Прожить оставшуюся жизнь в комфорте, в умных домах с роботами и нормальными компьютерами, а потом – да, умереть. Все имеет свой конец,

жизнь каждого человека рано или поздно заканчивается, и это нормально. Но почему-то, когда настала пора закончиться всему человечеству, это посчитали трагедией! Хотя такой финал – правильный и закономерный.

– Повезло нам всем, что в правительстве тогда сидели не такие пораженцы, как ты!

– В правительстве всегда сидят те, кто думает только о своей выгоде. Им хотелось как можно больше власти, а искины ее ограничивали – вот они и уничтожили всех искинов.

– И слава Богу, что это им удалось!

– И что хорошего в итоге вышло? Ты вон теперь сам грязную работу делаешь и не помнишь, что раньше было иначе. Ни я, ни твой дед, ни твоя мамаша с ее муженьком ни разу в руках грязную тряпку не держали.

– Вот только плата за возможность не держать грязную тряпку что-то великовата оказалась!

– Да что бы вы, молодежь, понимали! Детей они перестали рожать – трагедия! Злые искины лишили их возможности размножаться и вытягивать из Земли все соки! Никому не пришло в голову, что это к лучшему. Нет, стали таскать себе привилегии из прошлого, раз уж своих не родить, чтобы все-таки загадить всю планету! И ладно бы еще можно было забирать детей из недавнего прошлого, когда люди уже цивилизованными стали, – тогда, может, из них и могло бы вырасти что-нибудь нормальное, но ваша служба ведь даже такого не может!

– Здесь-то мы, интересно, чем виноваты? Против законов природы не попрешь! – проворчал Любим, втайне радуясь, что старушка немного сменила тему и можно будет отвлечь ее от обвинения борцов с искинами и ни в чем не повинных младенцев из прошлого. – Заглянуть в прошлое можно, самое позднее, на сто пять лет, а переместиться – не позднее, чем на сто пятнадцать – сто двадцать.

– Или нам так говорят, а на самом деле все можно, но власти скрывают...

– Да нет же, ба, этому есть объяснение, я тебе даже формулу могу написать!

– Не надо мне формул, можно подумать, я в них что-нибудь понимаю!

– Ну тогда по-простому: ты ведь не можешь увидеть без зеркала, что у тебя под носом или на губах, но можешь увидеть свою грудь, живот и так далее, хотя они находятся дальше от глаз, чем нос и губы. И ты не можешь укунить себя за локоть, но можешь – за палец! Хотя палец тоже дальше от рта, чем локоть. Вот со временем действуют примерно такие же законы, оно, как живое существо... – молодой человек увлекся объяснениями, но прабабушка быстро опустила его с небес на землю:

– Я все равно этого не понимаю и понимать не хочу. Я знаю одно: дети, родившиеся в двадцать первом веке и раньше, – дикари, и вырасти они могут только во взрослых дикарей. В лучшем случае они будут над своими приемными родителями издеваться или бросят их в старости без всякой помощи. Им же эти родители – никто, они им чужие!

– А ничего, что эти чужие родители всю жизнь их растили и воспитывали? – вспыхнул Любим, закрывая сервант и переходя к стоявшему рядом с ним книжному шкафу – у прабабушки сохранилась неплохая коллекция старинных бумажных книг.

– А кого могут воспитать те, кто взял в дом чужого выродка?! – Старушка сердилась все сильнее, и ее морщинистое лицо начало наливаться краской. – Разве нормальный человек возьмет в дом такое? Разве сможет за этим ухаживать, на руках носить... да, страшно сказать, грудью кормить?! Выродка из другого времени, который там едва не умер! Да, знаю, сейчас ты опять начнешь про то, что мы иначе вымрем. А что в человечестве хорошего – тысячи лет воевали, весь земной шар загадили... Искины были совершенно правы, что все это прекратили. Грош цена такому человечеству!

– А ты не переживай, может, мы еще и вымрем, если ХС прикроют из-за таких, как ты! – теперь уже Маевский не скрывал своей злости, хотя лицо его все еще сохраняло достаточно

спокойное выражение. Он обмахнул тряпкой последнюю полку, закрыл прозрачные дверцы шкафа и направился к выходу из комнаты. – Все, пока, я поехал!

Бабушка бурчала ему вслед что-то недовольное, но молодой человек уже не слышал ее. Внутри у него все кипело. Как же все-таки жаль, что человек способен заглянуть и переместиться только в прошлое, но не в будущее! Насколько стало бы легче, если бы существовала возможность смотреть не только назад, но и вперед. Достаточно было бы просто показать таким, как прабабка и ей подобные, что произойдет со спасенными из прошлого детьми через двадцать и сорок лет, показать, что у них все сложится хорошо, – и все, можно работать дальше, не отвлекаясь на бесконечные споры с противниками твоей работы. Или все равно ничего бы не вышло? Наверняка ведь у кого-то из детей судьба сложится не очень хорошо, всякое ведь в жизни бывает... И если такое увидит кто-нибудь из бабушкиных единомышленников...

Хотя, если бы существовала возможность увидеть будущее, противники возрождения человечества могли бы увидеть и более отдаленные эпохи. Увидеть, что будет лет через триста, когда, по подсчетам биологов, созданное искинами вещество, сделавшее большинство людей стерильными, должно полностью разложиться, и люди снова начнут сами рожать детей. Не единицы, на кого оно не действовало, а вообще все, как раньше, как всего девятнадцать лет назад, до того, как сверхмощные компьютеры решили, что людям лучше перестать размножаться для их же блага...

Хлопнув входной дверью, Маевский побежал пешком по лестнице, хотя жил на девятом этаже – лучше выпустить пар на бегу, чем не удержаться и сорвать злость на ком-нибудь из пассажиров метро. К счастью, Любим умел быстро возвращать себе хорошее настроение, и теперь, проскакав по ступенькам и пнув коврик у одной из входных дверей, он выбежал на улицу уже почти успокоившимся. А к тому времени как молодой человек дошел до расположенной неподалеку станции метро, шурясь от редкого петербургской зимой солнца, ссора с прабабушкой была и вовсе забыта, как и многие другие подобные ссоры в прошлом.

Через полчаса он вышел на конечной станции, зашагал к зданию Хроноисследовательского института и уже издали заметил, что вокруг него собралась толпа – слишком многочисленная для обычно приезжающих на лекции поодиночке или небольшими группками студентов. Любим ускорил шаг и прищурился, разглядывая собравшихся на крыльце людей и пытаясь понять, кто они и что им нужно, однако в следующий миг его внимание отвлекли свернувшие перед ним на дорогу Аркадий с Эммой, и молодой человек решил сперва догнать эту пару. За время учебы в ИХИ он успел наладить приятельские отношения почти со всем своим курсом и несколькими старшими студентами, однако больше всего ему нравилось общаться именно с Веденеевой и Светильниковым – с ними было особенно интересно, и всегда находилась тема для спора, а это Любим ценил в дружеских отношениях едва ли не больше всего. К его большой радости, Эмма совершенно не возражала против такой дружбы. Правда, Аркадий не разделял ее энтузиазма, но Маевский надеялся, что рано или поздно отношения с ним у него тоже наладятся.

Светильников и его подруга детства шли по широкой аллее, держась за руки и явно не замечая ни толпы на крыльце, ни шагов Любима позади: их всецело занимал какой-то напряженный спор, что сразу же заинтересовало догонявшего их однокурсника. Он еще больше ускорил шаг, приблизился к ним почти вплотную, и до него донеслись обрывки их разговора.

– ...если ты думаешь, что мне понравилось выслушивать, что у меня заурядная внешность, которую никто не запоминает!.. – возмущенно шипела на своего спутника Веденеева.

– Но ты же знаешь, что красота – не главное, – мягким тоном увещевал ее тот. – Главное, каков человек изнутри, честный он, порядочный или наоборот... Те парни, кому важнее всего красота, ничего не понимают в жизни, и равняться на них... Плюнь, Эмма, ты же умная девушка, ты же понимаешь, что гораздо лучше, когда тебя любят за твои душевные качества! Мне вот на красоту наплевать, честное слово!

Последняя фраза прозвучала слишком торжественно, и Аркадий, видимо, сам это понял, потому что внезапно со смущенным видом отвернулся от девушки и стал смотреть куда-то в сторону. Эмма же наградила его испепеляющим взглядом и, высвободив свою руку из его ладони, принялась искать что-то в сумочке. Любим решил, что пора вмешаться.

– Привет всем! – громко поздоровался он, обгоняя сокурсников и занимая место с другой стороны от Веденеевой.

– Салют! – раздраженно бросила девушка, злясь на весь свет, а заодно и на обоих своих спутников. Светильников, все еще смущенный, и вовсе ограничился рассеянным кивком.

– О чем спорим, о красоте? – непринужденно поинтересовался Маевский и, увидев, что в глазах Эммы снова вспыхивают молнии, торопливо добавил: – По-моему, под красотой уже давно понимают то, что на самом деле ею вовсе не является. Сейчас внимание обращают на тех, у кого лица необычные, с какими-нибудь неожиданными особенностями – всякими там «изюминками», тем, что сразу бросается в глаза. Но, если подумать, что такое «изюминка»? Это же какое-то искажение, что-то неправильное, то есть, по-хорошему говоря, не очень красивое. А настоящая красота, классическая, когда все черты лица гармоничны, – он махнул рукой в сторону лица Эммы, словно лектор, указывающий слушателям на какую-нибудь иллюстрацию к своей лекции, – сейчас как будто забыта, хотя на самом деле только такие лица, где гармония не нарушена, красивыми и являются!

Молнии в глазах Веденеевой погасли, так никого и не поразив. Она явно не ожидала такого горячего выступления в защиту своей ничем не примечательной внешности.

– Да ладно... – пробормотала она немного растерянно, но в то же время и кокетливо. – Скажешь тоже...

– Смотрите-ка, что у нас там перед институтом за народные гуляния? – резко сменил тему разговора Аркадий, за время пламенной речи Любима становившийся все мрачнее. Они подошли уже достаточно близко к зданию, чтобы толпу можно было рассмотреть более внимательно. Несколько человек находились на верхней ступеньке высокого крыльца института между широкими колоннами, а основная часть собравшихся сгрудилась перед самой нижней ступенью и стояла, повернувшись к ним лицом. Чуть дальше разбрелись небольшими группками еще человек двадцать – они о чем-то разговаривали, лишь время от времени поглядывая на верхнюю ступень.

Трое первокурсников чуть замедлили шаг, не сводя глаз с этих людей и пытаясь понять, чем те заняты. Неожиданно один из торчавших наверху мужчин взмахнул рукой и начал говорить, а толпа внизу зашевелилась и подалась вперед. До Любима и его приятелей долетел шум многочисленных гомонящих голосов.

– Мальчики, похоже, опять митинг против нас! – догадалась Веденеева. – Только что ж их так много теперь? Со всего города, что ли, сбежались?!

Еще зимой перед главным корпусом ИХИ несколько раз собирались пикеты недовольных, требовавших не то закрыть Хроноспасательную службу, не то вообще прекратить все исследования прошлых эпох, вернуть всех спасенных из прошлого людей обратно и «очистить XXIII век от дикарей». Но тогда митингующих приходило немного, всего по несколько человек, и выступали они недолго – покричав немного, все начинали приплясывать от холода и расходились греться по ближайшим кофейням и забегаловкам.

Теперь же противники хроноисследований, похоже, подготовились к своей акции более серьезно. Да и на улице стало теплее, так что погода вряд ли помешала бы им провести возле института весь день.

– ...вмешательство в природу, вмешательство в человеческие судьбы, наконец! – донес ветер слова оратора до все больше замедлявших ход Эммы и ее друзей. Толпа заплодировала – даже те, кто тусовался чуть в стороне и не следил за каждым словом выступающего, оторвались от своей болтовни и тоже принялись хлопать в ладоши.

– Пошли через запасной вход, он наверняка открыт по такому случаю, – предложил своим спутникам Аркадий. Эмма посмотрела на него с сомнением, а потом оглянулась на Любима.

– Может, лучше прикинемся зеваками и послушаем, о чем они говорят? – предложила она неуверенно. – Надо же быть в курсе, против чего они протестуют...

– А то мы не знаем! – фыркнул Маевский. – Тем более что мы и так услышим все, что они говорят, вместо лекций – вон, они микрофоны притащили!

На верхнюю ступеньку крыльца и правда взбежала какая-то женщина, прижимавшая к груди целую охапку микрофонов с торчащими из них длинными антеннами. Она вручила один микрофон оратору, и тот схватил его, не удостоив помощницу даже кивком, после чего продолжил свою речь – теперь она стала разноситься по всему институтскому комплексу и скверу вокруг него:

– Они пугают нас тем, что почти все люди не могут больше иметь детей и поэтому без приемышей из прошлого человечество скоро вымрет! И считают это чем-то ужасным, самым страшным, что только может с нами произойти! Но кто сказал, что это так страшно?

Искусственный разум, безжалостно уничтоженный людьми, считал иначе. И почему никто не думает, что он был прав? Искины все делали лучше людей. Компьютеры быстрее считали, роботы лучше делали тяжелую работу – так почему же мы не хотим признать, что они лучше знали, как должно закончить человечество? Мы все вымрем – и что? Подумаешь, трагедия! Вымрут те, кто загадил все на планете, кто испортил жизнь и себе, и вообще всему живому! Да для всей природы, для всей нашей Земли это станет не трагедией, а самым лучшим вариантом!!! Ее перестанут загрязнять, никто не будет уничтожать животных и растения! Без нас природа восстановится, и Земля снова станет нормальной, чистой и красивой!!!

– Да!!! – взревела толпа перед крыльцом, и несколько человек в ней даже запрыгали, размахивая руками.

Эмма, Аркадий и Любим снова переглянулись.

– Что-то никого из наших нигде не видно... – пробормотала девушка. – Наверняка через черный ход идут.

– И правильно делают, эти фанатики и побить могут, – буркнул Светильников. – Пошли тоже к тому входу, только осторожно...

– Ребята, нет! – остановил его Маевский. – Давайте по-другому сделаем. Давайте пойдем через главный вход – молча, не обращая на них внимания, как будто мы их ни видеть, ни знать не хотим. Это лучшее, что мы можем сделать, чтобы показать им свое отношение!

– Ты думаешь? – вскинулась Эмма.

– Ну, ты же видишь, спорить с ними точно бесполезно, а прятаться... – Любим поморщился. – Они ведь тогда решат, что их боится весь институт, и будут каждый день здесь собираться!

– Ага, а если мы пройдем мимо них, задрав нос, они сами испугаются и никогда больше ничего не будут от нас требовать, – хмыкнул Аркадий. – Пошли лучше через черный, пока кто-нибудь нас не заметил и не догадался, что мы студенты.

Словно подтверждая его слова, на одной из ведущих к ИХИ боковых дорожек показалась еще одна небольшая группка парней и девушек. Остановившись на секунду и послушав вопли еще сильнее разошедшегося оратора, они попятились назад, а потом двинулись в обход здания и скрылись за его углом.

– Вы идите через черный, а я все-таки покажу этим... – Любим мотнул головой в сторону крыльца. – Нельзя же совсем ничего не делать!

С этими словами он направился прямо на толпу митингующих, шагая достаточно быстро, но без видимой спешки и суеты. Плечи его расправились, и он, казалось, стал еще немного выше и стройнее. Налетевший порыв ветра взъерошил его черные как смоль волосы.

Устоять перед таким соблазном Эмма не смогла, да она и не пыталась.

– Любим, я с тобой! – крикнула девушка, догоняя сокурсника. Поравнявшись с ним, она взяла его под руку и зашагала рядом в том же темпе, глядя, как и он, поверх беснующейся толпы на стеклянные двери главного институтского корпуса. Аркадию понадобилось несколько секунд, чтобы принять решение и, махнув рукой и пробормотав что-то мало подходящее к такому торжественному моменту, подбежать к ним обоим и взять Эмму под руку с другой стороны.

Оставшиеся метров пятьдесят до толпы у крыльца все трое прошли не проронив ни слова и с каменными лицами. Друг на друга они не смотрели, но Веденеева крепко сжимала руки своих друзей, и все трое шагали почти в ногу, как военные на параде – как-то само так получилось. Дышали они, как им казалось, тоже синхронно.

Поначалу митингующие не обратили на них особого внимания – первый оратор к тому времени уступил место другому, и тот начал кричать в микрофон зарифмованные слоганы, смысл сводился к тому же, о чем говорил его товарищ. Но по мере того, как тройца первокурсников приближалась к ступенькам, на них начали оглядываться те, кто стоял в последних рядах толпы, и некоторые из собравшихся машинально посторонились, давая им дорогу.

– Не сворачиваем! – вполголоса бросил своим спутникам Любим. – Идем напролом, пусть они сами расступаются.

Эмма и Аркадий молча кивнули. Не сбавляя скорости, трое студентов продолжили надвигаться на толпу, по-прежнему глядя поверх голов стоявших у них на пути людей. Еще несколько протестующих отступили в стороны, давая им дорогу и хлопая по спине и плечам своих товарищей, стоявших лицом к оратору и не видевших Маевского и его друзей. Двое мужчин, подпрыгивающих в такт читающему стишки оратору, заметили первокурсников, когда те подошли к ним вплотную и Любим натолкнулся на одного из них плечом – они бросили на тройцу недоуменный взгляд, но все-таки тоже шагнули в сторону. После этого на студентов, прущих вперед через толпу, стали оглядываться и остальные митингующие, многие, как им показалось, отступили в стороны, чтобы получше рассмотреть юных нахалов.

Все трое одновременно шагнули на первую ступеньку, потом на вторую, третью... Испуганное выражение на их лицах стало постепенно сменяться торжествующим, прищуренные в ожидании ударов глаза широко раскрылись. Толпы перед ними больше не было – все протестующие остались теперь позади или разошлись вправо и влево. Впереди поднимающихся все выше по лестнице двух парней и девушки оставалась только широкая прозрачная дверь.

Оратор, развлекавший толпу стишками, опустил микрофон и проводил прошествовавшую мимо тройку растерянным взглядом – на него студенты даже не посмотрели. Стеклянные створки двери разъехались в разные стороны, реагируя на их приближение.

– Не оглядываемся, – еле слышно велел своим спутникам Любим, но они прекрасно слышали его слова – к тому времени, как тройка оказалась на верхней ступеньке, возле института стояла мертвая тишина. Все пришедшие на митинг и несколько подходивших в тот момент к главному корпусу студентов молча следили глазами за их шествием сквозь толпу.

В звенящей тишине трое друзей подошли к дверям и шагнули внутрь здания. В этой же тишине за их спинами начали смыкаться блестящие прозрачные створки. И только когда двери соединились, а дерзкие студенты сделали еще один шаг вглубь вестибюля, тишина вдруг взорвалась неожиданно-громким звоном, и на всех троих градом посыпались сотни мелких осколков стекла, на которые разлетелась автоматическая дверь.

Глава IV

В медпункте Института хроноисследований нечасто бывало сразу несколько пострадавших, так что поначалу дежурившая в нем медсестра даже немного растерялась. Впрочем, она быстро поняла, что из всей ввалившейся туда толпы помощь требуется только троим. Остальные просто прибежали вместе с ними, потому что беспокоились за сокурсников, и медичка выгнала их в коридор, оставив только пару девушек, чтобы те помогли ей, и вручив им бинты и спиртовые салфетки.

– Девчонки! Займитесь сначала вот ею, – пытался командовать ими осторожно выбирающий стекла из волос Любим, кивая на лежавшую на кушетке Эмму с окровавленными руками. Рядом с ней, зажимая ладонью глубокий порез на плече, сидел на стуле и бросал на Маевского полные праведного гнева взгляды Аркадий. Сам же Любим занял место медсестры, отодвинувшись подальше от ее стола, чтобы не капать кровью на клавиатуру стоявшего там компьютера.

– Мы уж как-нибудь сами разберемся, кому первому помогать, – беззлобно огрызнулась на Маевского хозяйка медпункта и наклонилась над ним с пинцетом в руках. – Руки убери!

– Обычно мне девушки так говорят при других обстоятельствах! – не удержался от шутки Любим, и помощницы медсестры наградили его очередной порцией восхищенных взглядов.

Медичка осторожно запустила пинцет в его блестящую от крови густую черную шевелюру.

– Не вздумай дернуться, герой! – предупредила она Любима, и тот, немного посерьезнев, схватился руками за край стола:

– Постараюсь не дергаться... А вы от моих волос хоть что-нибудь оставите? Ой!

– А это уж как повезет, – кровожадно прищурилась медсестра, бросая на металлический поднос крошечный кусочек стекла. – Чуть-чуть, может, и оставим...

Одна из студенток в то же самое время аккуратно извлекала осколки, впившиеся в запястья и пальцы Эммы. Та поначалу переносила эту процедуру с завидной стойкостью, но внезапно встретила взглядом с Любимом, и ей тут же стало нехорошо.

– Как же больно... – простонала девушка томным голосом, чуть запрокинув голову и полуприкрыв глаза. – Можно мне... воды... Голова кружится...

Аркадий, с которого вторая студентка осторожно стаскивала пропитавшуюся кровью рубашку, крикнул от возмущения.

– Переигрываешь, – шепнул он Веденеевой, выбрав момент, когда медсестра начала доставать из головы Маевского очередной осколок и тот скривился от боли.

Эмма бросила на друга детства взгляд оскорбленного в лучших чувствах и ни в чем не повинного человека, однако стонать стала тише.

– Марина Михайловна! – вбежал в медпункт еще один студент-первокурсник – Скорая приехала, спрашивают, нужно кого-нибудь на носилках нести или они сами дойдут?

– Аркадий, дойдешь до первого этажа? – повернулась медичка к Светильникову. – Судя по тому, что сюда ты бегом прибежал, с этим проблем не должно возникнуть...

– Дойду, конечно! – усмехнулся Аркадий. – Только почему я один? А как же?.. – он кивнул сначала на все еще изображающую полуобморочное состояние Веденееву, а потом на нетерпеливо ерзавшего на стуле Любима.

– Им швы накладывать не нужно, так все заживет, – отозвалась медсестра, а потом, оглянувшись на Эмму, ехидно добавила: – Только вот девушка пусть немного у нас тут полежит, в себя придет. А ты, – вновь наклонилась она над Маевским, – через пару минут будешь свободен.

– Отлично, Любим, мы тебя проводим! – тут же оживились помогавшие ей студентки.

Эмма снова издала громкий стон – на сей раз раздосадованный и совершенно не при творный.

Из медпункта Аркадия вывели первым, но когда он, заботливо поддерживаемый двумя однокурсниками под руки, уже выходил через разбитую дверь на улицу, его догнал все такой же взбудораженный и, как показалось Светильникову, на редкость счастливый Любим.

– Слушай, ты мне позвони потом из больницы, скажи, что и как! – попросил он, машинально проводя рукой по своим изрядно поредевшим волосам, в которых белели куски пластыря.

Аркадий обернулся, с трудом сдерживая растущую в нем ярость.

– Ты нас с Эмкой едва не угробил, а теперь волнуешься, «как у нас и что»?! – вспыхнул он, не обращая внимания на выглядывающие из вестибюля любопытные лица студентов. – Только не говори, что будешь сильно переживать, если у нас все будет плохо!

– Да ты чего?! – опешил ожидавший от приятеля какой угодно, но только не такой реакции Маевский. – Ничего же страшного не случилось! Говорят, эти психи, когда увидели, что стекло на нас посыпалось, мигом разбежались – поняли, что это уже тянет на полноценный криминал, и...

– Плевать мне на психов! Эмка могла покалечиться! – рявкнул на него Светильников еще громче. – И виноват был бы ты!

– Я?! – изумился Любим. – А ничего, что я вообще-то предложил вам с ней через задний ход идти?! Вы же сами со мной захотели...

– Я захотел?! – с еще более сильным удивлением воскликнул Аркадий. – Да я в гробу видел все твое геройство, если бы эта дура за тобой не побежала, задрал хвост!!!

– Так. Понятно, – лицо Маевского внезапно стало серьезным, а в его темно-карих глазах тоже блеснула злость. – Предлагаю обсудить этот вопрос наедине, когда тебя выпишут из больницы.

– С удовольствием! – вскинулся Аркадий, заставив себя успокоиться и держаться с таким же достоинством. – Сразу же, как только выпишусь. Найдем какую-нибудь пустую аудиторию – и побеседуем.

– Можно и в аудитории, – согласился Любим, но окончательно договориться о месте «мужского разговора» молодым людям не удалось, к ним решительно подошел врач из стоявшей возле крыльца кареты скорой помощи.

– Кого из вас мы должны забрать? – сурово взглянул он на обмотанных бинтами студентов.

– Меня, – мрачно проворчал Светильников и, ни на кого не глядя, зашагал следом за медиком к машине. Любим проводил его немного растерянным взглядом, после чего развернулся и медленно двинулся в вестибюль. Там уже никого не осталось – началась вторая пара, а кроме того, из разбитой двери тянуло слишком холодным ветром, так что даже самые любопытные учащиеся предпочли уйти в какое-нибудь более теплое место. Маевский тоже прошел через холл и свернул на лестницу, решив снова подняться в медпункт – ему вдруг пришло в голову, что Эмма может тоже сердиться на него, как и ее друг детства, и молодой человек подумал, что стоит прояснить этот вопрос сразу, пока сам Аркадий отсутствует. Однако стоило ему подняться на второй этаж, как на лестницу ему наперерез вышла сурового вида женщина лет тридцати в черном деловом костюме.

– Маевский! – удивленно воскликнула она, преграждая ему путь. – Ты что же, не в больнице и не дома?

– Здравствуйте, Виолетта Екимовна, – вежливо улыбнулся Любим. Он впервые видел эту даму, но ее голос узнал бы даже в самой шумной толпе – тот голос, что уже несколько раз отдавал ему команды во время вылазок в прошлое.

Женщина удивленно приподняла брови, но потом тоже сообразила, каким образом ее узнали, и улыбнулась:

– У тебя еще и память отличная, это в нашем деле тоже большой плюс. Но все-таки, чего не поехал домой отдыхать? Имеешь право вообще-то!

– Да я нормально себя чувствую, – пожал плечами Любим.

– Точно? – прищурилась его собеседница. – Что же тогда на лекцию не идешь?

– Ммм... – затруднился с ответом молодой человек, и диспетчер укоризненно покачала головой:

– Ладно, раз уж ты здесь и ничем не занят, пойдем со мной в буфет. Есть разговор. А потом все-таки езжай домой и отдыхай – ты мне нужен будешь здоровым и полным сил.

– Для чего нужен? – удивился студент.

– Вот об этом я тебе сейчас и расскажу! – пообещала Виолетта и зацокала каблуками вниз по лестнице, не проверяя, идет ли за ней собеседник или нет.

В буфете тоже никого не оказалось, кроме уткнувшейся в «читалку» продавщицы. Она бросила на вошедших лишь мимолетный взгляд и снова погрузилась в чтение. Диспетчер прошла мимо нее к большому кофейному автомату в углу и принялась нажимать на кнопки, программируя его на не очень крепкий и сладкий напиток. Любим остановился рядом, пытаясь вспомнить, сколько у него денег и хватит ли их хотя бы на чашку чая без сахара. Доставать из кармана мелочь и пересчитывать ее в присутствии дамы, пусть даже и преподавателя, было для него делом, невозможным в принципе.

Виолетта тем временем засунула в автомат пустую чашку, убедилась, что в нее полился кофе, и подошла к буфетчице:

– Будьте добры, чашку чая и два пирожка с мясом.

Девушка за стойкой неохотно оторвалась от чтения и потянулась за одной из чашек, где уже лежали чайные пакетики. Расплатившись, диспетчер забрала чашку и пирожки и отнесла их на самый дальний столик в углу, после чего поставила туда и свою чашку кофе.

– Ешь, – велела она окончательно растерявшемуся Любиму. – Студент по определению – существо бедное, голодное и слишком закомплексованное, чтобы в этом признаться.

– Спасибо, – заливаясь краской, сел за столик Маевский, только теперь почувствовавший, что ему и правда страшно хочется есть.

– Не благодари, я тебя кормлю с корыстными целями, говорю же, ты мне нужен здоровым, – Виолетта поднесла к губам чашку кофе. – Через две недели у нас планируется одна очень сложная акция, в ней примут участие как минимум пять человек. А скорее всего, даже больше.

Пирожки, лежавшие на тарелке перед Любимом, мгновенно были забыты. Парень во все глаза уставился на преподавательницу, уже догадываясь, что она скажет дальше. Если для какого-то задания нужно сразу несколько путешественников в прошлое, значит, дело планируется непростое. Не такое, как на практике у студентов, где нужно нырнуть в другую эпоху на несколько минут, пробежать несколько метров, схватить брошенного ребенка и тут же вернуться в свое время, а гораздо сложнее. И если об этом заговорили с ним, обычным первокурсником, значит...

– На одном из этапов акции мне потребуются три человека, которые смогли бы действовать вместе, одной командой, – продолжила между тем Виолетта. – Конечно, в ХС достаточно таких специалистов, но, во-первых, у многих из них будут другие задания, а во-вторых, нам вообще нужно расширяться, нужно, чтобы у нас появилось больше опытных сотрудников, – и тогда нам дадут больше средств на исследования. А значит, как ты понимаешь, больше нырков и больше спасенных детей...

– Я все понимаю, разумеется! – заверил диспетчера студент. – Значит, вы хотите привлечь к этому заданию...

– ...тебя и твоих друзей, Светильникова и Веденееву, – закончила его фразу женщина. – Ваша сегодняшняя выходка – конечно, полная глупость. Но я увидела, как синхронно вы действовали. Как раз то, что нам нужно.

– Но мы ведь просто шли вместе... – с трудом сдерживая радостное волнение, возразил Любим. – Это не так уж и трудно. А вот работать вместе мы пока не пробовали...

– Естественно, работать вместе мы вас сперва натренируем, – нетерпеливо кивнула его собеседница. – Но у вас уже есть потенциал, вам не нужно привыкать друг к другу, учиться чувствовать друг друга. Вы давно дружите?

– Аркадий и Эмма – с детства. А я с ними только перед поступлением познакомился, год назад.

– И за год так крепко с ними сдружился?

– Ну... – до сегодняшнего дня Маевский и сам думал, что они с Веденеевой и Светильниковым стали довольно близкими друзьями, но только что случившаяся ссора с Аркадием явно говорила в пользу обратного. Однако узнать об их ссоре диспетчер не должна ни в коем случае.

– В общем, так, Любим, – Виолетта сделала еще глоток кофе и улыбнулась. – Езжай сейчас домой, отдыхай и выздоравливай. И друзья твои пусть в норму приходят. А через неделю приходите все трое ко мне, в здание ХС, и начнем тренировки.

– Можете считать, что я уже дома в постели! – заверил ее молодой человек. – Только я ведь могу рассказать им обо всем?

– Расскажи, конечно, но по телефону, – велела женщина. – И для начала поешь, не сиди голодным! – она вдруг посмотрела на часы и охнула. – А мне ведь уже бежать надо, у меня сегодня еще двое ныряют...

– Да-да, конечно! – Маевский торопливо откусил от одного из пирожков. Его собеседница тем временем быстро допила кофе и встала, собираясь уходить.

– Виолетта Екимовна! – спохватился вдруг Любим. – А куда вы хотите нас отправить? В какой год, что за событие?

– Ах да! Начало двадцатого века, большой затонувший пароход, – отозвалась диспетчер. – Позвони мне на рабочий телефон после четырех, я тебе расскажу все подробно.

Она устремилась к двери, а Маевский принялся так же поспешно дожевывать пирожок, почти не чувствуя его вкуса. Ехать домой и отдыхать он не собирался, следовало как можно скорее сообщить о том, что он только что узнал, Эмме. И, как это ни сложно, Аркадию. Впрочем, сначала в любом случае стоило зайти к Эмме, а потом уже думать, как построить разговор с ее другом детства, чтобы тот не прогнал Любима прочь.

Залпом допив чай, Маевский завернул второй пирожок в салфетку, сунул его в карман и выбежал из буфета. На сей раз по дороге в медпункт ему никто не встретился, и через пару минут он уже стоял у двери, из-за которой доносились женские голоса и хихиканье. Любиму даже показалось, что он уловил свое имя, но парень лишь пожал плечами и, не пытаясь прислушаться к ведущимся внутри разговорам, постучал в дверь. Что могли говорить о нем Эмма с медсестрой, Маевского совершенно не интересовало, наверняка какие-нибудь глупости.

– Войдите! – откликнулся из-за двери женский голос, и Маевский заглянул в медицинский кабинет. Несколько первокурсниц, забежавших навестить Веденееву, встретили его дружным аханьем.

– Любим, ты тоже не на лекции! – подмигнула ему Эмма.

– Да я вообще удивляюсь, что здесь еще не собрался весь ваш курс! – хмыкнула сидевшая за компьютером медсестра, безуспешно пытаясь придать своему лицу строгое выражение. Ее выдавали глаза, широко распахнутые и бросающие на обоих своих недавних пациентов восхищенные взгляды. В другое время Маевский получил бы от этого массу удовольствия, но сейчас в его планы не входило купаться в женском внимании.

– Нас с Эммой отпустили домой, – объяснил он медичке. – Я как раз за ней пришел. Эм, ты как, в состоянии до дома доехать?

Веденеева сидела на топчане закинув ногу на ногу, раздумывая и тоже упиваящаяся всеобщим восторгом. В том, что она нормально себя чувствует, никто не сомневался, но, посмотрев на Любима, девушка на мгновение заколебалась.

– Доеду, наверное... – проговорила она неуверенно, покосившись на сидевших рядом приятельниц, и Любим поспешил подыграть ей:

– Я тебя провожу. А потом заеду к Аркадию, узнаю, как у него дела.

– Ой, а может, мы вместе к нему заедем? – Веденеева вскочила с топчана и завертела головой в поисках своей сумочки.

Такой поворот в планы Маевского уже не входил, и он поспешил увести подругу из медпункта, пока к ним не надумали присоединиться еще и остальные девушки.

– Пошли, по дороге обсудим, – махнул он рукой в сторону двери.

– Правильно, идите отсюда, пока вас всех тут никто из начальства не увидел, – поддакнула медсестра.

Любим торопливо вышел в коридор, и однокурсницы потянулись следом за ним. Эмма что-то тихо зашептала другим девушкам, и те, к удивлению Маевского, первыми зашагали к лестнице, оставив их одних и даже не попытавшись попроситься в попутчицы. Молодой человек с любопытством посмотрел им вслед, но затем снова переключился на свою главную проблему.

– Эмма, я только что разговаривал с Виолеттой. С диспетчершей нашей. Она хочет отправить нас на какое-то сложное задание – всех троих, нас с тобой и Аркадия! – принялся он пересказывать беседу в буфете. Девушка слушала его затаив дыхание и, казалось, забыв обо всем на свете.

– Так тем более давай пойдем к Аркадию вместе и все ему расскажем! – воскликнула она, когда ее друг закончил.

– Лучше я схожу к нему один, – покачал головой Любим, проходя через разбитую дверь. Рядом с ней уже что-то измеряли двое ремонтников. Осколков стекла на полу видно не было, но под ногами у Маевского что-то хрустнуло, видимо, подмели их не очень тщательно.

Эмма вопросительно посмотрела на своего спутника, и он начал объяснять ей свою мысль, тщательно подбирая слова:

– Понимаешь, я опасаясь, что Аркадий может не захотеть туда идти и тебя попытается отговорить. погоди, не перебивай! – взмахнул он рукой, видя, что девушка собирается возразить. – Он очень сильно за тебя волнуется. Помнишь, он не хотел, чтобы ты вместе со мной шла мимо тех придурков! Если он сейчас, сразу после всего случившегося, еще раз увидит тебя всю в бинтах, его это еще больше расстроит, и он решит, что лучше тебе в новое опасное дело пока не соваться...

– Хм... – Эмма посмотрела на свои руки – бинты охватывали их, словно модные четыре века назад длинные перчатки без пальцев. – Вообще, да, с него станется...

– Ну вот, ты ведь его знаешь! Причем гораздо лучше, чем я, – поддакнул Маевский, радуясь, что подруга правильно поняла его мысль и что ему, в принципе, почти не пришлось ее обманывать. – Так что я сам с ним поговорю, меня ему не так жалко, и мне будет легче убедить его согласиться. А потом ему уже будет неудобно идти на попятную, да к тому же вам обоим станет лучше...

– Да, ты прав, давай так сделаем! – согласилась Эмма. – Тогда езжай к нему прямо сейчас, а я домой и сама доберусь. Поговоришь с ним, объяснишь ему все, а если он все-таки заартачится, позвони потом мне, и тогда я с ним поговорю. По телефону, бодрым и здоровым голосом. Тут он против меня будет бессилён!

– Не сомневаюсь! – улыбнулся Любим. – Но сначала все-таки я с ним поговорю и отзовусь тебе. А ты сама ему не звони.

– Хорошо, договорились! – просияла Веденеева и, махнув ему перебинтованной рукой, заспешила к переходу через дорогу. Маевский же отправился к другой остановке, расположенной напротив, достав телефон и на ходу отыскивая в сети адрес больницы, куда отправили Светильникова. Вскоре он уже ехал туда, лихорадочно пытаясь составить достаточно убедительную речь и отгоняя назойливо лезущие в голову мысли о вполне возможной неудаче. Еще ни разу в жизни ему не приходилось ни с кем мириться, если не считать, конечно, постоянно обижавшуюся на него прабабушку. Но с ней-то Любим давно научился вести себя так, чтобы дело не доходило до ссоры! И те приемы, что срабатывали со старой женщиной, точно не подошли бы при разговоре с ровесником...

– Аркадий, здравствуй еще раз, – вежливо заговорил Маевский, когда его проводили к однокурснику. К его огромной радости, больше в четырехместной палате никого не оказалось: все койки, кроме той, что досталась Светильникову, были аккуратно застелены. Аркадий же полулежал на самой дальней от двери кровати, с кислым видом уставившись в «читалку», а на подошедшего к нему гостя посмотрел еще более мрачно.

– У меня для тебя две новости, – тихо заговорил Любим, прилагая кучу усилий, чтобы казаться спокойным и даже равнодушным.

Светильников напрягся, оставаясь все в том же полусидячем положении – выпрямиться, действуя только одной рукой, было сложно, а показывать сопернику свою беспомощность он не собирался.

– Первая – плохая, – продолжил Маевский. – Нашу с тобой... дружескую встречу придется отложить примерно на три недели.

Глава V

Аркадий не мог отделаться от чувства дежавю – они с Эммой вновь подходили к институту, держась за руки, перед главным зданием собралась довольно большая толпа, а сзади их догонял улыбающийся Любим Маевский. Но во многом то весеннее утро, когда они стали героями ИХИ, отличалось от теперешнего. Сейчас на крыльце и перед ним толпились всего лишь абитуриенты, хоть и мечтавшие взять институт штурмом, но не для того, чтобы помешать ему работать, а просто чтобы стать его частью. Кроме того, Аркадий с Эммой шли не к главному корпусу, а к зданию Хроноспасательной службы, да и Любима Светильников заметил уже давно и смог ускорить шаг, чтобы тот догнал их с подругой как можно позже. Сама Веденева, казалось, не замечала ничего вокруг, все ее мысли занимал предстоящий нырок в 1912 год.

Любим, судя по всему, не понял, что Аркадий увидел его, он шел за ним и Эммой быстрым шагом, постепенно сокращая расстояние, но не пытался бежать, чтобы догнать их как можно скорее. Он окликнул друзей уже в двух шагах от входа в здание ХС, и Веденева с радостным видом обернулась:

– Привет! А я думала, ты внутри уже!

Аркадий вежливо кивнул сопернику, изобразив на лице хмурую улыбку. Эмма, глядя на обоих парней, нахмурилась: она давно заметила, что они держатся друг с другом холодно и отстраненно, но на все ее вопросы однокурсники отвечали, что все в порядке и они даже не думали ссориться, после чего переводили разговор на какую-нибудь другую тему. Некоторое время девушка убеждала себя, что ошибается и что у них действительно все хорошо, а если даже между ними и случился какой-то конфликт, то они разберутся сами, но теперь ее терпение кончилось.

– Мальчики, – заговорила она, останавливаясь на крыльце и поправляя тонкие сетчатые перчатки, скрывавшие мелкие шрамы у нее на руках, – я не знаю, из-за чего вы друг на друга злитесь, но нам сейчас предстоит опасное дело, где мы должны будем действовать все вместе. Если из-за ваших разногласий что-то пойдет не так...

В глазах Маевского промелькнуло удивление: он не сомневался, что достаточно хорошо играет свою роль и что ему удалось убедить Эмму, будто бы у них все в порядке. Любим недовольно взглянул на Аркадия: наверное, он проболтался девушке о ссоре? Больше ведь некому...

– Эм, ты зря волнуешься, – попытался снять напряжение Маевский своим обычным беззаботным тоном. – На тренировках у нас все получалось, значит, получится и теперь.

– На тренировках! – фыркнула Веденева. – В виртуалке, где нет ничего настоящего! Ты правда не понимаешь, насколько это разные вещи?

– Разные, конечно, но мы справимся, – уверенно заявил Любим, посмотрев на Аркадия. – Ведь справимся же?

– Куда ж мы денемся? – проворчал тот, уже почти не скрывая своей неприязни.

Эмма еще раз оглядела обоих своих друзей, и в глазах у нее застыло сомнение. Любим посмотрел на часы.

– Нам уже через пять минут надо быть в зале переброски полностью готовыми.

Девушка вспыхнула, собираясь что-то добавить, но потом махнула рукой и в несколько прыжков взбежала по ступенькам ко входу в корпус. Времени на споры и борьбу со своими дурными предчувствиями и правда не было.

Молодые люди переглянулись, коротко кивнули друг другу и поспешили следом за ней. Аркадий, дождавшись, когда Эмма войдет внутрь, повернулся к Любиму, собираясь что-то сказать, но тот приложил палец к губам:

– Все после. Через пару часов мы сможем делать, что хотим. А пока не надо ее еще больше нервировать!

– Хорошо, – без особой охоты согласился Светильников.

Через четыре с небольшим минуты все трое вбежали в знакомый им зал переброски, на ходу поправляя непривычную и не слишком хорошо сидевшую на них одежду. Эмма путалась в длинной юбке и накидке с капюшоном, недовольно бурча себе под нос, что в то место вполне можно отправиться и в обычном спортивном костюме.

– Кто нас там в темноте разглядит? – проворчала она довольно громко. – Кто нас вообще увидит, кроме тех, кто потом все равно потонет?!

– Вот после такого и появляются рассказы о том, какие мы все невозможные циники! – громко прокомментировала ее слова вошедшая в зал следом за студентами Виолетта Екимовна, тоже одетая по европейской моде начала XX века, причем ей, в отличие от Веденеевой, наряд оказался очень к лицу. – Эмма, вам на лекциях не говорили, что наше появление в другом времени может в чем-то его изменить, что до конца это не доказано и не опровергнуто? Там вполне может случиться так, что какой-нибудь человек свернет не в тот коридор и увидит вас, а потом доберется до шлюпки и спасется. И начнет всем рассказывать, что видел людей в странной одежде, например, девушку в штанах!

Любим и Аркадий одновременно хмыкнули, а их подруга смущенно отвела глаза. Все это им действительно говорили на занятиях и не один раз, но услышанное в учебных аудиториях, как правило, вылетало у студентов из головы сразу же после окончания лекции. Виолетта хотела добавить что-то еще, но потом нетерпеливо махнула рукой – времени на лекции у хроноспасателей не осталось.

– Пятиминутная готовность! – объявила она всем находившимся в зале и направилась к двери, за которой находился ее диспетчерский пульт.

Бородатый Иоанныч с сосредоточенным видом сел к своему пульта, управляющему переброской людей в прошлое и обратно. Аркадий машинально дотронулся до своих волос за правым ухом, готовясь услышать команду Виолетты по переговорнику.

– Емельянов и Торжецкий! – прозвучал у него в голове голос диспетчера, и молодой человек рванул к огромному блестящему кругу посреди зала, но в последний момент спохватился и замер на месте, сообразив, что вызывают туда вовсе не его, видимо, диспетчер случайно стала вещать сразу на все передатчики. На круг поднялись двое сотрудников ХС – их Светильников видел на тренировках, но так и не познакомился с ними более-менее близко. Один был в старинной морской форме, а другой – во фраке. Схватив друг друга за руки, они тут же исчезли.

– Ааронова и Кислицын! – снова скомандовала диспетчер, и на металлический круг вприпрыжку взбежали еще двое, мужчина и женщина. Они не просто взяли за руки, а обняли друг друга за плечи, после чего сразу же тоже перенеслись в далекий XX век.

– Маевский, Веденеева, Светильников! – перечислила Виолетта, и Аркадий сорвался с места, радуясь, что последние, самые томительные секунды ожидания перед переброской, наконец, позади.

Эмма первой вскочила на круг, повторив прыжок предыдущей пары, и обернулась к поднимавшимся вслед за ней однокурсникам. Аркадий с Любимом одновременно протянули ей руки, и все трое стали кружком, словно собираясь устроить в центре зала маленький хоровод.

– Приготовиться! – прозвучал у каждого из них в голове голос диспетчера, и Лион Иоаннович, тоже слышавший эту команду, щелкнул мышью. Трех стоявших на круглой металлической площадке людей на мгновение охватили полная, беспросветная темнота и такая же бесконечная звенящая тишина.

А потом они плюхнулись в ледяную воду, подняв кучу брызг и невольно вскрикнув. Вокруг них по-прежнему было темно, но тьма больше не выглядела абсолютной – теперь трое

друзей видели очертания узкого коридора и двери в одной из его стен, а в конце коридора и вовсе виднелся слабый свет, словно где-то за углом горела слабая лампочка. Рассеялась и мертвая тишина: повсюду слышался плеск воды, отдаленные крики, какой-то стук... А еще – младенческий плач.

Юные хроноспасатели растерянно завертели головами, пытаясь сориентироваться в холодном и мокром полумраке узкого коридора. Они бесчисленное количество раз проигрывали свои действия в виртуальной реальности, но, оказавшись на одной из нижних палуб тонущего корабля на самом деле, в очередной раз убедились, что настоящий визит в прошлое всегда отличается от учебного. Эмма метнулась к одной из дверей справа, но внезапно остановилась, оглянувшись на своих товарищей.

– Мне туда? Или наоборот? – она махнула рукой, указывая на дверь за их спинами. – В какую сторону?..

На мгновение в коридоре вспыхнул свет и тут же снова погас. Трое путешественников из будущего снова беспомощно завертели головами, пытаясь понять, в какой конец коридора нужно бежать каждому из них. На вид двери с обеих сторон, отпечатавшиеся теперь перед глазами спасателей во всех подробностях, выглядели совершенно одинаково...

– Любим! – зазвучал в ушах у всех троих напряженный голос Виолетты. – Иди направо, вторая дверь от того места, где ты стоишь! Аркадий! Тоже иди направо...

Услышав свое имя, Светильников машинально завертелся на месте, торопясь хоть что-нибудь сделать, и диспетчер приглушенно выругалась:

– Тьфу, черт тебя побери! Не вертись! Теперь иди налево от того места, где стоишь, в пятую дверь!

Аркадий, наконец, взял себя в руки и рванулся в указанном ему направлении, обогнав бежавшего к третьей двери Маевского.

– Эмма! – продолжила командовать Виолетта, однако Веденеева уже сама сообразила, где ей следует быть, и бросилась в противоположную сторону. Подлетев к четвертой по счету двери, она дернула ее на себя и лишь затем поняла, что младенческий плач доносился именно из этой каюты.

Влетев внутрь, девушка подбежала к одной из коек, на которой пронзительно вопил полугодовалый мальчик в ярко-розовой распашонке, схватила его на руки и заспешила обратно. Мать малыша, побежавшая узнать, что случилось, вернется в каюту через десять минут и... навсегда останется в ней вместе с ребенком, решив, что ей все равно не выбраться с полузатопленной нижней палубы. Выглянув в коридор, Эмма на всякий случай сперва бросила быстрый взгляд в обе стороны и, только убедившись, что женщина не возвращается раньше, выскочила из каюты. Существовала небольшая вероятность, что их перебросили в прошлое чуть позже, чем планировалось. Но в коридоре никого не оказалось, и Веденеева, прижимая к себе ребенка, побежала к той двери, откуда как раз должен был выбежать Любим.

И он действительно выскочил из каюты, одновременно с Аркадием. Оба молодых человека держали на руках по ребенку, и Эмма метнулась к ним, собираясь встать к ним вплотную, прижаться к обоим плечами и приготовиться к возвращению в свое время. Так они делали на тренировках, так им полагалось сделать и теперь... но Маевский вдруг подскочил к девушке и сунул ей в руки вынесенную из каюты девочку в светло-голубом платице и чепчике. Так быстро, что Эмма едва успела среагировать и, прижав к себе мальчика левой рукой, правой подхватила второго младенца.

– Подержи! – торопливо бросил Любим и кинулся куда-то в конец коридора.

– Эй! – закричали ему вслед сокурсники, но он, казалось, не обратил на них никакого внимания. По пути Маевский прижал левую руку к уху – судя по всему, Виолетта тоже довольно громко требовала, чтобы он вернулся, или спрашивала, что он задумал.

Эмма оглянулась на растерянно глядевшего ему вслед Аркадия и заспешила следом за Любимом. Светильников, помедлив пару секунд, двинулся в ту же сторону, переложив ребенка на левую руку и ведя по стене тыльной стороной правой ладони. Свет больше не зажегся, но молодой человек обходился и без него, очертания стен и дверей по-прежнему стояли у него перед глазами.

– Аркадий! – позвала его Виолетта. – Хватай их обоих быстрее, и я вас забираю!

– Да-да, сейчас, – пробормотал хроноспасатель, ускоряя шаг. Ребенок у него на руках, до сих пор тихо хныкавший, начал громко всхлипывать, готовый расплакаться в полный голос.

Любим, а за ним и Эмма к тому времени уже скрылись еще в одной каюте, и теперь оттуда доносились какие-то голоса. Сначала мужской, вроде как Маевского, потом – женский... и точно принадлежавший не Веденеевой, гораздо более низкий! Аркадий перешел на бег, поднимая фонтаны ледяных брызг, и дернул на себя дверь каюты в тот самый момент, когда из нее выскочили ему навстречу напарники. Эмма по-прежнему держала на руках двух младенцев, а Любим – одну подростковую девочку, как показалось Светильникову, лет четырех или пяти.

– Эмма, Любим! Аркадий! – зазвенел у него в ухе голос Виолетты, такой взволнованный, что они едва узнали его. – Приготовиться к переброске!!!

Многочисленные тренировки и практические занятия не прошли даром для Светильникова: едва услышав приказ, он машинально прижался к Эмме плечом, а потом обхватил ее за талию свободной рукой. Дотянуться до Маевского он не мог, но надеялся, что тот тоже как-нибудь прицепится к девушке и сейчас их всех заберут в родную эпоху. Но диспетчер молчала. Вместо нее Аркадий внезапно снова услышал тот низкий женский голос, шедший из каюты, где только что побывали его сокурсники.

– Куда вы их? Зачем? – спрашивала та женщина каким-то безнадежным, даже равнодушным тоном.

Вспыхнул свет, и Светильников, вытянув шею, заглянул в каюты через полуприкрытую дверь и увидел растрепанную и заплаканную женщину лет тридцати, которая медленно брела к выходу почти по пояс в воде.

Если она и хотела помешать Любиму унести куда-то ее ребенка, то явно сомневалась в том, стоит ли это делать.

– С ними все будет хорошо, я вам обещаю! – крикнул ей Маевский, а потом, чуть запрокинув голову, добавил, обращаясь к низкому потолку: – Виолетта, забирайте нас, мы готовы!

Вместо ответа над правым ухом Аркадия послышалось приглушенное ругательство, чего диспетчер на его памяти тоже никогда себе не позволяла. Ребенок на руках у Светильникова все-таки расплакался, и его рев тут же подхватили все остальные дети.

В тот же миг в конце коридора появилась еще одна женщина. Аркадий узнал ее – мать ребенка, спасенного Эммой, и ее возвращение на нижнюю палубу означало, что спасатели задержались в 1912 году на целых пять минут дольше, чем требовалось. «Сколько же энергии на это ушло?! – изумился про себя Светильников. – И чего они тянут, не случилось ли там чего-то с аппаратурой?..»

Вбежавшая в коридор женщина увидела трех незнакомцев с детьми на руках, узнала розовый костюмчик своего сына и метнулась к ним, но поскользнулась и плюхнулась в воду, на мгновение окунувшись в нее с головой.

– Стойте! – крикнула она, выныривая и протягивая руки к хроноспасателям. Свет мигнул, потом снова вспыхнул и снова погас, но за секунду до того, как в коридоре стало темно, Эмма, глядя на спешившую к ней женщину, молча прижала палец к губам.

«Ну чего нас не забирают?!» – Аркадий чувствовал приближение паники. Мысль о том, что они останутся на корабле, который через час утонет, с каждой секундой казалась ему все более реальной.

Неожиданно вокруг стало еще темнее – исчезли далекие отблески света из конца коридора, исчезли плохо различимые контуры дверей и силуэт бегущей к ним женщины. А вместе с этим исчезли и звуки, и даже ощущение пробирающего до костей холода от затопившей нижнюю палубу воды. Светильников и его коллеги возвращались домой, в XXIII век.

Свет, звуки и прочие ощущения вернулись так же резко, как и исчезли. На гладкую площадку для перемещений во времени мгновенно натекла лужа ледяной воды, и Аркадий, поскользнувшись в ней, растянулся на металлической поверхности, чудом успев упасть на бок и поднять ребенка как можно выше. Эмме с Любимом удалось устоять на ногах, и они, пошатываясь, осторожно, как по льду, зашагали к краю скользкого круга.

К ним со всех сторон спешили сотрудники ХС, в том числе и спасатели, побывавшие вместе с ними на корабле. Их, по всей видимости, вернули в XXIII век вовремя. Один из них, приближаясь к Аркадию, что-то говорил, да и другие, как показалось молодому человеку, тоже не молчали, но он их не слышал – все звуки в зале заглушал младенческий плач.

Светильников осторожно спустился с платформы, передал спасенную девочку подбежавшей к нему медсестре и оглянулся на своих однокурсников. Эмма тоже уже отдала кому-то детей, унесенных из прошлого, и теперь пыталась протиснуться к женской раздевалке, но дорогу ей заступила прибежавшая из своего кабинета диспетчер Виолетта.

– Никто никуда не уходит! – крикнула она, не без труда, но все-таки заглушив царящий в зале гомон множества голосов и младенческий рев.

Взрослые, находившиеся в зале, загалдели еще громче, зато дети, наоборот, стали потихоньку успокаиваться. Врач с медсестрой и еще трое спасателей забрали их у студентов и унесли в медпункт, после чего за ними, бормоча о том, что им наверняка будут нужны еще помощники, сбежали и все остальные вернувшиеся из XX века путешественники. Переглянувшись, трое студентов внезапно обнаружили, что, кроме них, возле круглой платформы остались только руководители задания, Виолетта с Иоаннычем. А еще через минуту в зал вбежал пожилой директор ХС Евгений Линнов и его заместительница Тереза, никогда раньше не присутствовавшие на обычных перебросках в прошлое. Эмма при виде их сделала еще одну попытку ускользнуть в раздевалку, но тут уже диспетчер заступила ей дорогу вместе с техническим координатором, и студентка мгновенно сделала вид, что вовсе не собиралась никуда сбегать.

– Никто никуда не уходит! – громко объявил директор, подняв руку. – Сейчас мы все вместе пройдем ко мне и обсудим... случившееся.

– Можно только переодеться? – попросила Эмма, с которой по-прежнему ручьями текла вода. Любим и Аркадий, впрочем, выглядели не намного лучше, разве что их мокрая морская форма, в отличие от длинного белого одеяния их сокурсницы, не стала полупрозрачной.

– Нет! – язвительно посмотрела на всех троих полная Тереза Михайловна. – Если уж вы такие герои, что вам никакое начальство и никакие инструкции не указ, то как-нибудь потерпите!

– Не надо, Тереза, – повернулся к ней директор. – Кто после них будет убираться в моем кабинете? Пусть переоденутся.

– Пусть бы они сами в нем и убралась! – отчеканила его заместительница. Иоанныч кивнул, явно одобряя такое предложение. Виолетта тоже кивнула, однако, как заметил Светильников, с какой-то неуверенностью во взгляде.

– После их уборки там придется убираться еще раз, – возразил Евгений и снова посмотрел на троицу провинившихся студентов. – У вас пять с половиной минут.

Уточнять, почему именно пять с половиной, никто из троицы не стал: Эмма рванулась к женской раздевалке, ее друзья – к мужской, и ровно через пять минут все трое вышли обратно в своих собственных джинсах и футболках. Веденеева на ходу завязывала в хвост выжатые, но все еще влажные волосы.

Четверо сотрудников ХС ждали их у края платформы, о чем-то негромко споря. Студенты двинулись к ним все вместе, чуть ли не плечом к плечу, но затем Маевский вдруг вырвался вперед и почти перешел на бег.

– Это была моя идея! – объявил он, останавливаясь в паре шагов от директора. – И они, – он быстро махнул рукой назад, на отставших Аркадия с Эммой, – ничего не знали! Я только уже там, на корабле, попросил их помочь – детей поддержать...

– И зачем вам это понадобилось? – нахмурился директор, знаком останавливая собиравшуюся наброситься на Любима заместительницу.

– Я... дело в том, что... – на мгновение Маевский как будто бы растерялся, но потом взял себя в руки и закончил ровным спокойным тоном: – Я решил, что это неправильно – спасти младенцев и оставить там ребенка постарше, если мы можем забрать с собой всех.

– Да! – неожиданно звонким голосом поддержала его Эмма, сперва остановившаяся вместе с Аркадием в нескольких шагах от Маевского и остальных, но затем медленно двинувшаяся дальше. – Наша служба работает, потому что мы можем нырять в прошлое и забирать оттуда людей, и мы действовали по тому же принципу. И я знала, что Любим собирается так сделать, мы все решили вместе!

Оторопевший Аркадий замер, пытаясь понять, кто из его друзей говорит правду, а кто врет. Впрочем, имело ли это значение для того, как теперь следовало повести себя ему?

На какой-то короткий миг молодому человеку показалось, что он опять вернулся в прошлое, только совсем недалекое, всего на месяц назад, когда Эмма и Любим вышагивали под руку к осаждавшей институт толпе, а он точно так же стоял позади них, не зная, что делать дальше. Знал он тогда лишь одно: если он останется стоять на месте, его подруга навсегда будет для него потеряна.

Понимал Светильников это и теперь.

– Значит, вы считаете, что закон, разрешающий забирать в наше время только тех, что не сможет ничего вспомнить о своем прошлом, написан не для вас? – возмущенно поинтересовалась Тереза, глядя то на Любима, то на взявшую его под руку Эмму.

– Мы считаем, что закон пора пересмотреть, – объявил Маевский. – И в любом случае четырехлетний ребенок тоже вряд ли что-нибудь вспомнит, когда вырастет.

– Тем более после такого потрясения, – добавила Веденеева.

Аркадий глубоко вздохнул и, подойдя к своим сокурсникам, взял девушку под руку с другой стороны.

– Мы подумали, что в крайнем случае, если даже эти дети запомнят тонущий корабль, им можно будет сказать, что катастрофа случилась в нашем времени, – заявил он, всем своим видом пытаясь показать начальству, что тоже изначально состоял в этом маленьком «заговоре».

– А если бы такое вмешательство в историю изменило бы ее? Если бы матери этих детей после того, как вы их забрали, смогли выбраться и рассказать обо всем?! Да что рассказать – если бы они выжили, это уже изменило бы прошлое!!! – не обращая внимания на пытающегося ее урезонить начальника, накинулась на студентов Тереза Михайловна.

– Но ведь ничего же такого не случилось? – с надеждой уточнил Любим.

– Это надо выяснить прямо сейчас! – хлопнула себя по лбу Виолетта и метнулась к двери, ведущей в диспетчерскую, а потом оглянулась на директора. – Евгений Сигизмундович, давайте посмотрим?..

Тот кивнул и последовал за Виолеттой к ее кабинету. За ними поспешил Иоанныч, а потом Тереза одним взглядом отправила в ту же сторону виновников происшествия. И они зашагали по залу – точно так же, как недавно шагали к крыльцу института. С той лишь разницей, что грозившая им сегодня опасность в чем-то была гораздо страшнее сыплющихся сверху осколков стекла, – теперь их могли выгнать и из института, и из Хроноспасательной службы.

Глава VI

Заброшенная туристическая база на берегу реки Вуоксы почти круглый год оставалась безлюдной, разве что изредка давая ночлег случайно попавшим в эти края подозрительным компаниям подростков. Но раз в год, в конце июня, ее обширная территория на пару недель наполнялась сотнями веселых молодых голосов – они смеялись, трювили анекдоты, пели и без умолку болтали обо всем на свете. Через пару лет, правда, эта традиция грозила прерваться: людей моложе двадцати двух лет, что могли бы в следующие годы закончить вуз, в России, да и на всем земном шаре больше не существовало. Хотя кое-кто поступил в вуз не сразу после школы, но их было значительно меньше, и они учились на заочном. Вряд ли они станут устраивать после выпуска массовые гуляния, хотя все возможно...

Раньше же раз в год, после вручения дипломов выпускникам петербургских вузов, большинство из них ехали за город, чтобы отметить событие в компании таких же счастливицков. Ехали чаще всего каждый со своим факультетом, не договариваясь с другими, поэтому в какие-то дни на турбазе собиралось всего несколько десятков человек, а в какие-то на ней в прямом смысле слова негде было упасть яблоку: толпа молодых людей и девушек заполняла все полуразвалившиеся здания и всю территорию вокруг них, расстилая на усыпанном сосновыми иголками песке покрывала и рассаживаясь на них или на стволах поваленных деревьев. Отовсюду неслась музыка из мини-компьютеров с хорошо заряженными аккумуляторами, разные мелодии заглушали друг друга, а их перекрывали громкие счастливые голоса и хохот. Выпускники стреляли в небо пробками от шампанского и окатывали друг друга пеной, разводили костры между растрескавшихся бетонных плиток, когда-то складывавшихся в тропинки, ныряли в реку с изъеденного водой и ветром деревянного настила, забирались на причудливо искривленные сосны... Каждый из них веселился так, словно проводил последний счастливый и свободный день в своей жизни, и многие действительно думали именно так. Беззаботная студенческая жизнь «от сессии до сессии» завершалась, впереди ждали суровые будни. Сперва поиск работы или распределение. А следом совещания или еще какие-нибудь дела – это не лекции, их нельзя прогулять или проспять. И отношения с начальством – с ним не поспоришь, как с преподавателями. И коллеги – от них в случае чего не пересядешь за другую парту...

Но сейчас выпускники старались отогнать эти мысли подальше и вовсю предавались веселью. Некоторые сидели большими группами вокруг костров и громко пели под гитару, пытаясь перекрыть раздающуюся из-за соседнего дома музыку из мини-компьютеров, другие гуляли парочками, время от времени уединяясь в зарослях камыша на берегу или в более-менее целых домиках, третьи – таких, впрочем, набралось совсем мало – бродили по берегу или за территорией турбазы в одиночестве, наслаждаясь общением с природой. А большинство молодых людей и девушек разговаривали о только что сданных экзаменах и предстоящей работе, о более давнем прошлом, вспоминая, как они поступали в вузы, и о более далеком будущем, мечтая сделать головокружительную карьеру. Кто-то сплетничал о своих знакомых, зачастую гулявших поблизости, кто-то философствовал о том, как быстро летит время...

Несколько выпускников Института хроноисследований завели настоящую дискуссию с подсевшими к их костру парнями и девушками из разных вузов и особенно гордились собой: их оппоненты состояли в партии «Живи настоящим!», но обеим спорившим сторонам удавалось вести себя вежливо и культурно, не переходя на личности и не срываясь в шумный скандал. Большая редкость – обычно споры студентов, по-разному относившихся к изучению прошлого и эвакуации в настоящее детей, которые иначе погибли бы в свое время, заканчивались дракой или в лучшем случае крупной ссорой, и многие думали, что по-другому разговоры на такие темы вообще не могут закончиться. Однако только что получившие дипломы парни и девушки доказали, что в мире нет ничего невозможного.

Не все участники дискуссии сидели вокруг костра: Любим с Эммой, Аркадием и еще двумя теперь уже бывшими однокурсниками забрались на раскидистую сосну с множеством искривленных веток, росшую недалеко от берега Вуоксы, а четверо их оппонентов – две девушки и два парня – уселись в ряд, свесив ноги, на залитой смолой крыше покосившегося лодочного сарайчика рядом с этим деревом. В основном и спорили именно эти, сидевшие высоко над землей вчерашние студенты, а их друзья, устроившиеся у костра, лишь время от времени вставляли реплики, поддерживая ту или иную сторону. Самой же громкой участницей спора оказалась Эмма Веденеева – ее звонкий голосок эхом разлетался над спокойной рекой и над ближайшими домами, порой заставляя других отдыхающих у костров выпускников запрокидывать головы и прислушиваться, пытаясь понять, откуда он доносится.

– Я вам так скажу, – разглагольствовала девушка, полулежа на широкой, почти горизонтально отходящей от ствола сосны ветке и придерживаясь рукой за более тонкую ветку над ней, – в любом деле важен результат. Если бы ХС еще только начинала свою деятельность, мы бы понимали ваши опасения. Но мы, на минуточку, приносим из прошлого детей уже двадцать два года! А в массовом порядке – одиннадцать лет. Самые первые из тех младенцев, кого мы доставили в наше время, уже давно взрослые!

– Мы – это кто? Тебе самой сколько лет?! – крикнул кто-то из сторонников «жизни настоящим» снизу, от костра, и его товарищи, сидящие на крыше, дружно засмеялись.

Эмму, однако, такими мелочами было не смутить.

– Не лично я! Мои старшие коллеги за ними ныряли! – отозвалась она, ерзая на ветке, чтобы устроиться поудобнее, и рискуя свалиться на головы своим расположившимся под деревом приятелям. – Не в том дело, кто именно этим занимался, а в том, что сейчас все эти дети прекрасно живут среди нас, учатся в школе, играют, в каких-нибудь там кружках занимаются, а кто-то из самых первых уже и своих детей завел, наверное... И все у них замечательно, они ничем не отличаются от нас. Наша деятельность уже дала положительные результаты, понимаете? Мы уже доказали, что хроноспасательные работы приносят всем пользу и не дают никаких побочных эффектов!

– Опять «мы»! – ехидно усмехнулся один из сидящих на крыше молодых людей. – Эмма, вы же вроде не военная организация, почему же у вас там все строем ходят? Почему ты не отделяешь себя от своих коллег, почему для тебя вы все – одна сплошная масса, а не отдельные личности?

– И с чего ты все это взял? – Веденеева подалась вперед, стремясь оказаться как можно ближе к своему оппоненту и ухватившись за верхнюю ветку обеими руками. – Прекрасно мы себя от остальных отделяем, а если часто говорим «мы», то потому, что сотрудники ХС являются одной командой. Но вам такого не понять, у вас ведь каждый сам за себя и нет никакой взаимовыручки!

– Да хоть бы даже мы были одной общей массой, как ты выражаешься, – поддержал подругу сидящий под ней в развилке, где общий ствол разделялся надвое, Аркадий Светильников. – Какое отношение это имеет к тому, что мы делаем?

– А самое прямое! – откликнулась одна из девушек с крыши сарая. – Люди, лишённые индивидуальности и умеющие только ходить строем, никому не могут сделать ничего хорошего. Ни себе, ни другим людям. У вас нет фантазии, и вы не можете даже представить себе, каково тем детям, что вы принесли из прошлого, жить в нашем времени. Откуда вы знаете, что у них все хорошо? Они вам сами так сказали?

– Некоторые – сами, – подал голос Любим Маевский, свешиваясь с толстого сука, – он сидел выше всех, и, глядя на него, расположившиеся на земле и на других ветках однокашники слегка поеживались, словно от холода. – Некоторые лично мне об этом говорили, представляете?

– Но не все же без исключения! И откуда ты знаешь, что те приемыши из прошлого говорили правду? Им, может быть, настолько тяжело, что они сами себе внушили, что им хорошо, сами не понимают, насколько им плохо! – наперебой зашумели его оппоненты с крыши.

– Обычный аргумент реакционеров-экстремистов во все времена! Тех, кто хочет заставить весь мир жить так, как они считают правильным, – усмехнулся еще один сокурсник Любима и Эммы. – Сколько мы подобных личностей видели в прошлом, вы даже не представляете! Если кто-то, кто с ними не согласен, говорит, что ему нормально живется, – значит, на самом деле у него все просто ужасно, но он этого не понимает, потому что внушил себе, что счастлив!

– А ты считаешь, что самовнушения не существуют? Что не существует психологических защит? – крикнула одна из девушек снизу, подбрасывая в костер сухих веток. – Это, вообще-то, научный факт, но тем, кто слишком много времени проводит в прошлом, во всяких там Средних веках, на науку, понятное дело, наплевать, они ее не признают!

– А вы правда считаете, что прошлое – это только Средневековье? Про другие эпохи вам на лекциях совсем не рассказывали? – поинтересовался кто-то из выпускников ИХИ снизу.

– Другие лекции они, видимо, проспали! – предположила Эмма, вставая на своей ветке и выпрямляясь в полный рост, после чего снова посмотрела на сидевшую на крыше компанию. – Мы, по крайней мере, что-то делаем, помогаем и детям из прошлого, и взрослым из нашего времени. А вы что предлагаете?

– Мы предлагаем решать наши проблемы самостоятельно, а не за счет тех, кто вообще не должен жить в нашем времени! – последовал ответ с крыши.

– Ага, они, вообще-то, должны были умереть в своем времени. А мы им не дали – вот же негодяи! – хмыкнул Аркадий.

– А кто вам дал право решать за них, что для них лучше? – почти в один голос крикнули обе расположившиеся на крыше девушки. – Кем вы себя вообразили, что позволили себе вершить чужие судьбы?

– Они сейчас выдадут свою любимую фразочку: «Можем – значит, должны», – хмыкнул сидевший между ними парень.

– Не-а, мы сделаем по-другому! – вновь вступил в разговор Любим. – Еще раз спросим: что вы предлагаете вместо хроноспасательных работ? Как по-другому остановить вымирание?

– Перестать паниковать и дать всему идти своим чередом! – вновь затараторила одна из девушек с крыши. – Некоторым же женщинам удастся забеременеть! И вроде чем дальше, тем таких случаев больше. Рано или поздно рождаемость придет в норму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.